

„Поведай мне,
Архангел могучий...“

*..Победай мне,
Аракс могучий...“*

ИЗ
АРМЯНСКОЙ
ПОЭЗИИ

„Победай мне,
Аракс могучий...“

ИЗ
АРМЯНСКОЙ
ПОЭЗИИ

Ленинград
«Детская литература»
1984

*Вступительная статья, составление и примечания
К. Григорьяна*

*Рисунки и оформление
А. Коковкина*

АРМЯНСКАЯ МИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Поэзия всегда является верным зеркалом жизни народа, она отражает его историческую судьбу, его сокровенные думы, его заветные мечты.

Армяне принадлежат к числу древнейших народов мира. Исторический путь армянского народа прослеживается на протяжении более двух с половиной тысяч лет. О высокой культуре Армении свидетельствуют свыше двадцати тысяч дошедших до нас старинных армянских рукописей, богатая историческая литература V—X веков, такие уникальные памятники архитектуры, как Гарнийский храм, построенный в I веке нашей эры, храмы Эвартноц, Рипсимэ, Гаянэ (VII век), Ахтамар (X век), Прkich, Сананян, Ахпат, Гегард (XIII век) и многие другие.

Армения расположена на самой границе Европы и Азии. Она лежит на перекрестке великих исторических дорог и не раз становилась яблоком раздора между соседними могущественными государствами, ареной жесточайших битв.

Тяжела была судьба Армении. Много крови и слез видела древняя земля. Смерчем проносились над страной, сменяя друг друга, полчища различных завоевателей: персов, гуннов, римлян, арабов, сельджуков, монголов, осман. К концу XIV века Армения потеряла государственность, стала добычей Турции и Персии. Произвол, гонения, деспотизм завоевателей, грозящие физическим уничтожением армян, заставили многих и многих покинуть

© Вступительная статья. Состав. Примечания. Рисунки. Оформление.
Издательство «Детская литература», 1984 г.

4803010000—180
П—————46—84
M101(03)—84

родную землю, скитаться по чужим краям в поисках пристанища и хлеба, искать лучшую долю под чужим небом.

Недаром в армянской народной поэзии так распространены пандухтские песни, то есть песни странника, изгнанника, тоскующего по родине, по родному очагу. Классическими образцами этих песен могут служить «Крунк» («Журавль») и «Цицернак» («Ласточка»).

Нелегко было армянскому народу в этих исторических условиях сохранить свои духовные богатства, свой язык, свои культурные традиции.

Однако армянский народ никогда не склонял голову перед угнетателями. В тисках турецкого и персидского ига он вел неравную борьбу за свое национальное существование. В конце XVII века усилилось и возросло национально-освободительное движение, а в первой четверти XVIII века обездоленные крестьянские массы во главе с армянским полководцем Давид-Беком восстали против ига завоевателей.

Истерзанная насилием, истекающая кровью Армения обратила взор к соседнему великому государству с надеждой найти у России защиту и помощь, ожидая от нее спасения.

После окончания войны со шведами Петр I начал поход в Закавказье, который хотя и не привел к освобождению Армении от турецко-персидского ига, но воодушевил армян, вызвав к жизни новые силы, укрепив веру в скорую победу.

Летом 1826 года началась русско-персидская война. После разгрома многочисленной армии противника под Шамхором русские войска под командованием генерала В. Г. Матадова заняли город Гянджу. Военные действия вскоре перешли на территорию Восточной Армении. 19 сентября 1827 года русские войска овладели крепостью Сардарапат. А спустя несколько дней осадили

и штурмом взяли город Ереван, являвшийся в то время основным оплотом персидского владычества в Восточной Армении.

Армяне-воины, сражаясь на стороне России, защищали кровные интересы своего народа, и в русской армии они видели свою освободительницу. Армянский народ с ликованием встретил вступление русских в пределы Армении. Так воспринимал события этих лет и основоположник новой армянской литературы Хачатур Абоян. В его романе «Раны Армении» мы находим восторженные строки: «Да будет благословен тот час, когда благодетельная нога русского вступила в светлую страну армянскую и изгнала проклятое злое дыхание кызылбашей (турок. — К. Г.) из нашей земли».

В 1828 году, после окончания русско-турецкой войны, Восточная Армения вошла в состав России. Это был один из важных, поворотных пунктов в истории армянского народа, решительно повлиявший на его дальнейшую судьбу. Благодаря победам русской армии значительная часть армян, стоявших в течение многих веков под игом жестоких завоевателей, была спасена от неминуемой гибели, создались объективные условия для культурного возрождения армянского народа. В первой четверти XIX века возникли такие крупные очаги армянской культуры, как Лазаревский институт восточных языков в Москве и Нерсисянская семинария в Тифлисе, сыгравшие положительную роль в дальнейшем развитии армянской литературы и укреплении культурных связей с Россией.

Армянская поэзия своими корнями уходит в седую древность. В далекие времена в дохристианской Армении существовала богатая традиция эпических песен. Сохранились лишь их осколки в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V век). Высоким их образцом может служить «Рождение Баагна».

Сильная и самобытная струя в армянском народно-поэтическом творчестве — лирические песни о любви и природе, характерными чертами которых являются непосредственная чистота чувств и совершенство поэтической формы. «Немногие народы могут гордиться, — писал В. Я. Брюсов, — что их народные песни достигают такого же художественного уровня, так изысканно пленительны, так оригинально самобытны, при всей их непосредственной простоте и безыскусственной откровенности».

Около 301 года христианство стало в Армении государственной религией. А в начале V века Месропом Маштоцем и Сааком Парцевом был создан армянский алфавит.

Поэт Н. С. Тихонов в книге «Двойная радуга», делясь с читателями впечатлениями о древней земле армян, писал: «...меня поразил человек, которому армяне обязаны созданием армянской письменности. Этого мудреца звали Месропом Маштоцем. Я могу представить его идущим по такой молчаливой древней пустыне. Это земля, окропленная потом и кровью, но она безмолвна. Она хочет иметь язык. Месроп видит эти горы, эти камни, испещренные знаками веков. И он говорит с этим небом, с этими камнями. Заходит огромное багровое солнце. И в мозгу человека рождаются первые знаки армянской азбуки. И потом они, выражая все, что может выразить человек, будут жить на пергаменте, на камне, на глине. Человек закрепил в памяти людей целий мир».

Более восьми столетий развитие армянской поэзии шло в русле религиозной идеологии. Однако не суждено было угаснуть богатой традиции народной песни.

Примерно с X века, начиная с творчества выдающегося поэта и просветителя Григора Нарекаци (951—1003), народные мотивы сквозь религиозную оболочку начинают проникать в поэзию, все

больше и больше завоевывает право на самостоятельное существование интимная лирика.

В эту эпоху монастыри становятся своеобразными очагами просвещения, где развивается и расцветает искусство рукописной книги, книжных украшений, миниатюры.

В темные мрачные кельи монастырей время от времени проникали голоса жизни. Монахи жадно прислушивались к ним, предаваясь раздумьям о земных благах. Поэзия все больше и больше вырывалась из затхлой темницы на чистый воздух, на широкие просторы народной жизни. Этот процесс можно проследить с творчества авторов сборника духовных песнопений «Шаракан» до песен поэта XVI века Наапета Кучака, которые составили вершину армянской средневековой лирики. С расширением тематики и язык поэзии обогащался лексикой и образами народной речи.

Важнейшим этапом в развитии армянской лирической поэзии явилось творчество Саят-Новы, поэта XVIII века, поднявшего искусство народного певца на небывалую высоту.

Саят-Нова — сын своего времени. Родиной его был старый Тифлис, где звучали его песни не только на армянском, но и на грузинском и азербайджанском языках, не только во дворце грузинского царя, но и на народных празднествах, на веселых пиршках и свадьбах. Столица Грузии, с ее пестрым, многонациональным составом населения, представляла в то время единый культурный организм, где происходил интенсивный межнациональный обмен культурными ценностями. Звучавшие тогда на улицах Тифлиса песни на разных языках были одинаково понятны, близки и дороги представителям всех народностей Закавказья.

Песни Саят-Новы возникали и зрели в сердце народного певца, рождались вместе с мелодией.

В этих песнях — стоны и страдания «любви безнадежной» с нежнейшими оттенками в выражении безответного чувства. Любовь для Саят-Новы — подвиг в безграничном желании добра и счастья любимой, которой он готов отдать жизнь «в дар безвозвратный». Наряду с нежными и страстными гимнами любви Саят-Нова создал и образцы философской лирики, в которых нашли выражение высокие нравственные идеалы народного певца.

Прежде чем вступить в высшую фазу своего развития, армянской поэзии нужно было решить колossalную задачу, аналогичную той, которую выполнили в русской литературе Державин, Карамзин и Жуковский. Абовян первым из армянских писателей пошел по пути демократизации литературы, одним из первых начал писать на понятном народу языке. В то время в армянской литературе господствовал грабар — язык древнеармянской письменности. Абовян написал свой роман «Раны Армении» на живом наречии армян Арагатской долины. Он боролся за близкий и доступный народу разговорный язык, который, по его мысли, должен был занять место грабара и стать основой развития новой армянской литературы, важнейшим рычагом культурного возрождения народа. Дело Абовяна продолжили Налбандян и Назарян — редактор-издатель армянского журнала «Юсисапайл» («Северное сияние»), выходившего в Москве в 1858—1864 годах.

В первой половине XIX века в армянской поэзии разрабатывались темы преимущественно гражданской лирики: ненависть к угнетателям, патриотизм, песни скорби и борьбы, гимны свободе. Революционно-демократические мотивы наиболее ярко сказались в вольнолюбивых стихотворениях Микаэла Налбандяна. С его именем — выдающегося революционного деятеля, писателя, поэта, философа-материалиста, соратника Герцена и Чернышевского — связан один из важнейших периодов армянского народно-освобо-

дительного движения, развития передовой общественной мысли и литературы. Борьбу армянского народа как с внешними, так и с внутренними угнетателями Налбандян тесно связывал с общероссийским освободительным движением, последовательно защищая революционный путь разрешения экономических и социальных проблем.

Виднейшими деятелями армянской поэзии 1850—60-х годов явились Рафаэл Патканян и Смбат Шахазиз.

Изданный Патканяном в 1857 году «Национальный песенник» (в нем принимали участие кроме Патканяна и его молодые друзья) составил важный этап в развитии армянской гражданской лирики. В нем впервые было напечатано стихотворение «Слезы Аракса», ставшее народной песней.

Романтическая приподнятость, гражданский пафос и боевой дух характеризуют талантливую и мужественную поэзию Патканяна. «Благородных сынов отчизны» он призывал к единению в борьбе с врагами. Он обличал армянских богачей, лицемерие и фальшивь их морали.

В 1850 году в Москве увидел свет первый сборник стихотворений Смбата Шахазиза «Часы досуга». Во втором сборнике, изданном в 1865 году, была опубликована известная поэма Шахазиза «Скорбь Левона», в которой отразились настроения передовой армянской интеллигентии.

К середине XIX века относится начало деятельности поэта и ученого Гевонда Алишана. Он — автор патриотических стихов, исторической поэмы «Аварайрский соловей», многотомных фундаментальных трудов по истории, археологии, географии, этнографии Армении.

Алишан жил, занимался литературой, создавал свои труды в Италии, на острове Святого Лазаря близ Венеции, где в 1701 году

Мхитаром Себастаци было основано содружество ученых монахов. Оно существует и поныне.

Западно-армянская поэзия развивалась в русле неоромантических течений. Виднейшими ее представителями в 1860-е годы были Петрос Дурян и Мкртич Пешкиталян, а в начале XX века — Мисак Меццаренц, Сиаманто, Даниэл Варужан. Они, опираясь на достижения западно-европейской поэзии нового времени, главным образом французской, много трудились над усовершенствованием поэтической формы, обогащением языка.

Западно-армянские поэты жили и творили в исключительно тяжелых условиях.

После окончания русско-турецкой войны 1876—1878 годов, согласно Берлинскому договору, правительство Турции обязалось осуществить реформы в Западной Армении. Однако не только не было обеспечено обещанного самоуправления, но и еще более усилились гонения на армян, что вызвало широкую волну национально-освободительного движения. Восстание в горной области Сасун приняло столь большой размах, что турецкое правительство вынуждено было послать против повстанцев сорокалетнюю армию. Восстание было подавлено, Сасун разорен, предан огню и мечу. Эверства особенно усилились и приняли массовый характер в конце века, во времена кровавой политики Абдула Гамида. Они продолжались в годы первой мировой войны, когда было истреблено более полутора миллионов человек — почти все население Западной Армении. В эти трагические дни в числе тысяч и тысяч жертв резни были поэты Сиаманто, Даниэл Варужан и другие.

Совершенно в иной обстановке развивалась поэзия в Восточной Армении. Исаакян, обращаясь к событиям первой трети XIX века, когда Восточная Армения вошла в состав России, писал: «Несмотря на преследования царизма, нашему народу было

обеспечено сохранение жизни и имущества. Он попал под здоровое, благотворное влияние великой культуры и литературы русского народа. Углубились и укрепились дружеские связи армянского народа с русским народом».

В развитии армянской лирики особо важна была роль Иоаннеса Иоаннисяна, этого «чародея армянской поэзии», как назвал его Исаакян.

Иоаннисян, получивший образование в Московском университете, опираясь на богатые традиции армянской народной песни и достижения русской поэтической культуры, внес свежую, мощную живительную струю в развитие армянской лирики. Широкий поэтический диапазон позволил ему создать почти равноценные образцы в основных лирических жанрах.

Судьба многострадальной родины всецело владела думами Иоаннисяна. «Забудь же любви песнопенья,/Свободу, певец, воспевай» — в этом призывае его нравственный выбор, его гражданская позиция.

В начале 1890-х годов увидели свет сборники стихотворений и поэм Ованеса Туманяна.

Туманян вошел в историю литературы как великий национальный поэт Армении. В его творчестве запечатлены важнейшие черты мироусердия армянского народа, его тернистый путь, его чаяния и идеалы, его неустанные стремление к свободе и мирному созидательному труду. Легенды, сказки, поэмы Туманяна, проникнутые идеями демократизма и гуманизма, горячим сочувствием к труженикам, ненавистью к царям и тиранам, составляют подлинную художественную энциклопедию армянской народной жизни.

Невозможно понять мир Туманяна вне его тесной органической связи с традициями устного поэтического творчества народа.

Сказки, песни, предания, пословицы и поговорки, фольклор в целом воспринимался Туманяном как итог всей исторической жизни народа, его нравственного опыта, его мудрости.

Фольклор был основой произведений Туманяна, тем живительным источником, который питал его творческую мысль и сделал его вдохновенным певцом своего народа.

Туманян придавал большое значение художественному слову в воспитании у юных читателей высоких гражданских и нравственных начал. Стихотворение для детей — один из самых трудных жанров. Здесь Туманян не имеет себе равных во всей армянской поэзии. Он умел говорить с детьми о близких и любимых предметах на понятном и ясном для них языке, с глубоким пониманием психологии ребенка, особенностей детского мира.

Туманян был и остается самым популярным, любимейшим поэтом Армении, по произведениям которого подрастающие поколения учились и учатся любить родное слово и родную литературу.

Александр Цатурян — современник Туманяна, представитель демократического направления в армянской поэзии. Первый его сборник был издан в 1891 году, а в 1898 году появилась вторая книга его стихотворений, принесшая ему известность.

Представление о высоком гражданском долге перед народом и родиной, мотивы борьбы с «царством зла», где «горечи полное море», сближают Цатуряна с Некрасовым. Для Цатуряна поэт прежде всего «воин», «вольный певец», «боец за великое счастье людей», приванный сражаться «со злом до могилы».

Вслед за Туманяном и Цатуряном вступил в литературу Аветик Исаакян.

Редко на долю писателя выпадает высокое счастье быть не только выражителем чувств и дум народа, но и при жизни заслужить его признание, стать его любимым поэтом. Таким вошел в

историю армянской литературы Исаакян. Многие его стихотворения стали песнями, органически слились с творениями безымянных народных певцов.

Стихийная непосредственность чувства составляет отличительную черту поэтического дарования Исаакяна. Для него как художника слова естественны переходы от созерцания к раздумью, их слияния в «поэзии мысли». Реальный предметный мир, проходя через поэтическое сознание, через горнило «внутренней думы», вновь рождается в могучих образах его поэзии, наполняясь глубоким философским содержанием.

Тревожная мысль Исаакяна устремлена к звездам, к солнцу, в просторы вселенной, в бесконечность, со страстным желанием познать мир, людей, тайну бытия, познать законы природы, мироздания. Исаакян много странствовал и после долгой скитальческой жизни возвратился в Армению, сознавая, что вне родины нет ни жизни, ни счастья, ни творчества, что он должен быть с народом, который после стольких бед и тяжких испытаний обрел наконец спокойное существование, с народом, который строит, творит новую жизнь на возрожденной армянской земле.

Вaan Терьян — младший современник Исаакяна. После выхода в свет первого сборника его стихотворений («Грезы сумерек», 1908) он твердо занял свое место среди виднейших представителей новой армянской поэзии.

Терьян — поэт тончайших оттенков чувств, настроений. Стих его отличается чеканной отделкой, необычайной музыкальностью. «Терьян, — писал Исаакян, — остается всегда в своей первозданной красоте, всегда незаменимым, всегда непревзойденным».

Пафос поэзии Терьяна — в очищенном от всякой примеси благородном лиризме, где специфическое содержание диктует и форму стихотворений, их жанры и стиль.

Терьян обогатил армянскую литературу достижениями русской и западно-европейской поэзии нового времени. Он высоко поднял культуру стиха, открыл новые неисчерпаемые ритмические и музыкальные возможности армянской поэтической речи.

Жизнь Терьяна прошла в эпоху, богатую историческими событиями, социальными потрясениями, эпоху войн и революции. Поэт верил в великое будущее России и судьбу своей родины связывал с нарастающим общероссийским освободительным движением.

Терьян, увидя озаренные Великим Октябрем светлые горизонты, бросил свое неспокойное сердце в разгорающееся пламя Революции. Он вступил в Коммунистическую партию, отдал последние силы делу строительства нового социалистического общества.

Поэзия армянского народа издавна привлекала внимание виднейших русских поэтов. Благодаря переводам Брюсова, Блока, Бальмонта, Ахматовой, Пастернака и других русским читателям открылся богатейший поэтический мир Армении.

Вдохновенное слово поэтов Армении и сегодня служит воспоминанию благородных гражданских чувств, нравственных и эстетических идеалов. Брюсов писал: «Сквозь черные тучи, столько раз заволакивавшие горизонт армянской истории, сквозь грозную и душную мглу, столько раз застилавшую жизнь армянского народа, победно пробивались и сияют поныне — огненные лучи его поэзии... Знакомство с армянской поэзией должно быть обязательно для каждого образованного человека, как обязательно для него знакомство с эллинскими трагиками, с «Комедией» Данте, драмами Шекспира, с поэмами Виктора Гюго...»

К. Григорян

РОЖДЕНИЕ ВААГНА *

Небеса и земля были в муках родин,
Морей багрянец был в страданье родин,
Из воды возник алый тростник,
Из горла его дым возник,
Из горла его пламень возник,
Из того огня младенец возник,
И были его власы из огня,
Была у него брада из огня,
И, как солнце, был прекрасен лик.

* Объяснения слов, отмеченных звездочкой, смотрите в примечаниях.

* * *

Для милой надо платье сшить,
А тканью солнце может быть,
Подкладкой платью — лунный свет,
А лучше тучек — ниток нет,
Уборы — пена на волнах,
Застежки — звезды в небесах,
А ей на грудь цветок — я сам!

* * *

Я повторять всегда готов:
«Не надо роз, — они язвят,
Люби фиалку без шипов,
Ее так нежен аромат.

Ты розу пышную нашел?
Она увянет, — вот гляди!
Люби цветок, что не расцвел, —
Он расцветает на груди!»

* * *

Луна нежна, ветер нежен,
И сон земледелов нежен;
Луна высоко взошла,
И голос свирели нежен;
Пастух распустил быков,
И сон под чинарой * нежен;
Прохлада веет в листве,
И ветер приморский нежен;
По камням ручей журчит,
И говор струй его нежен;
Все птички по гнездам спят,
Но свист соловья так нежен;
Как сладко пахнет в лесу:
То запах розы так нежен!

* * *

Не пой ты солнцу обо мне,
А то оно с тоски затмится;
Спой про мою тоску луне,
Что каждый месяц вновь родится!

* * *

Золотая звездочка на небе
Любит маленькую рыбку в море.
Но не плавать рыбке по тверди синей,
Не блестать и звезде в морской пучине.

ПЕСНЯ ГАРИБА *

Деревцом я персиковым рос,
Подо мной родимый был утес.
Меня выкопали, унесли,
Посадили в сад чужой земли.
Там шербет * из сахара любим,—
Мон корни поливали им.
Ах, меня верните в край родной,
Ах, полейте снеговой водой!

КРУНК *

Крунк! куда летишь? Крик твой — слов сильней!
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?
Стой! домчишься вмиг до семьи своей.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Свой покинул сад я в родной стране,
Чуть вздохну, душа — вся горит в огне.
Крунк! постой! твой крик нежит сердце мне.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Боже, пожалей, кто живет изгнан!
Грудь гарiba — скорбь, сердце — полно ран,
Хлеб, что ест он, — желчь, ключ, что пьет, — поган...
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей...

От Багдада путь до границ далек!
Вот, возьми письмо, я даю в залог, —
Верности твоей будь порукой бог:
Ты снеси, доставь милым мой залог.

Я пишу в письме, что мой свет погас,
Что ни в ночь, ни днем не открыть мне глаз,
Что я здесь томлюсь, милые, по вас!
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Осень настает... Что же! поспеши!
Стаю ты собрал меж бесчисленных стай;
Не ответив, ты улетел в наш край...
Крунк! из этих мест скроися, улетай!

МЕСРОП МАШТОЦ

361—440

* * *

Море жизни всегда обуревает меня.
Воздвигает враг валы на меня.
Добрый кормчий, ты — оборони меня.

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

951—1003

ИЗ «КНИГИ СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ»

Не торопи, о милосердный,
Последний день мой,
Чтобы мне
Многотрудный путь
Не пришлось бы идти
С пустыми и беззащитными руками.
В час жажды не подавай мне
Кубок желчи,
Не закрывай, о милосердный, дверь
Моей спасительной удачи
И не лишай меня
Духовных мук, что благо.
Пусть не ворвется в этот день
Ночь смерти моей,
Как мерзкое коварное нашествие.
В час нежданный не иссушит
Корней моих
Дыхание жары
И не постигнет лунатиков бессмысленная участь
Душу мою.
Пусть хлынут из меня все льды
Моих грехов,

И пусть стремительный разлив
Мирских желаний
Не сможет потопить меня,
Пусть смерть не явится
Ни в спокойном сне, ни в бреду безумия,
И пусть в бездумном покое не истлеет
Сердце мое
И дыхание моей души
Врасплох и безвозвратно
Не сорвется...

НЕРСЕС ШНОРАЛИ

1102—1173

НЕБО

Небо я, будучи раз навсегда сотворенным,
Неизреченно раскинулось сводом бездонным.

Отделены, как заметил еще Моисей,
Верхние воды от нижних стихий моей.

Соединило навечно пространство небесное
Оба начала: телесное и бестелесное.

Ибо, подобно стихии телесной, я зrimo,
Как естество бестелесное — неощутимо.

Я покрываю собою четыре стихии *,
Те, из которых возникли все твари живые.

Кроме всего, воплощаю я нечто такое,
Что различают не глазом, а только душою.

Я — полукругло, от прочих предметов отлично,
Хоть и в движенье всегда, я всегда безгранично.

Сущему в мире — всему я конец и начало.
В пропастях я и на кручах — преград не встречало.

Я неподвижным кажусь — неподвижность обманна.
Вдаль я стремлюсь, лишь в движенье своем постоянно.

Горы высокие, что вас страшат крутизною,
Скалы, глубокие пропасти — все подо мною.

Не прерывая движения ни на мгновенье,
Небо, я вечно в своем бытии и движенье.

О ВАНЕС ЕРЗНКАЦИ (ПЛУЗ)

1230—1293

* * *

Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечет судьба;
Верх падает, и вновь ему взнестись настанет череда.
Так плотник мастерит равно и колыбели и гроба:
Приходит сей, уходит тот, а он работает всегда.

* * *

Подобен морю мир: сухим оставаться, переплыть, — нельзя.
Как выплыл мой членок в простор, того и не заметил я.
Вот я почти у берегов, но страшно мне подводных скал,
Чтоб вдребезги мою ладью один удар не разломал.
Но господу я помолюсь — да ветр попутный он пошлет,
Осветит мглу и утлый член в благую гавань приведет.

* * *

Я, все грехи свои собрав, оплакал зло прошедших лет.
Шел к небу караван, и я, сложив грехи, пошел вслед.
Но ангел мой, представ, сказал:
«Куда идешь ты, дай ответ!
В раю для тех, кто предстает с подобным грузом, — места нет!»

* * *

О безрассудный человек, проснись, опомнись же скорей!
Ты душу вольную отверг и, низкий раб своих страстей,
Пируешь за столом греха, смешав часы ночей и дней,
Глотаешь все, что б ни нашел, жир набирая для червей.

* * *

Язык для речи служит нам, речь праведных — что золата звон.
Бог людям дал один язык, язык у змия — раздвоен.
И у кого два языка, один — колюч, другой — червлен,
Становится сродни змее, и всеми ненавидим он.

НА АПЕТ КУЧАК

XVI век

* * *

Самым худшим из проклятий проклинала сына мать:
«Уходи в края чужие, чтоб навек скитальцем стать,
С твердым камнем в изголовье на песке ты будешь спать,
Встанешь рано и припомнишь отчей кровли благодать».

* * *

Ты хвалишься, луна небес, что озарен весь мир тобой.
Но вот луна земная — здесь, в моих объятьях и со мной!
Не веришь? я могу поднять покров над дивной красотой,
Но страшно: влюбившись и ты и целый мир накажешь тьмой!

* * *

Ты сказала: я твоя! Неужели это ложь?
Ты закаялась любить! Иль иного ты найдешь?
Мне такое будет горе, что к иному ты прильнешь
И к следам моих лобзаний ты уста его прижмешь!

* * *

«Высоко ты ходишь, — милой передай привет, луна!» —
«Передам привет я милой, но не знаю, где она».

«Видишь, дерево в саду, где высокая стена?
Пьет из чаши голубой там под деревом она
И армянкой речью славит сладость ласки и вина».

* * *

«Что возьмешь за поделуй, молви, дивное созданье?
Усмехнулась:

«А твое велико ли достоянье?
Если хочешь заплатить, не получишь ты лобзанья,
Если любишь горячо — утолю твое желанье».

ПОЭЗИЯ
НОВОГО ВРЕМЕНИ
(XVIII — начало XX века)

САЯТ-НОВА

1712—1795

* * *

Кто рядом сел — он пьян уже, в его глазах двоишься ты.
Кто раз взглянул — безумным стал, к безумцу не склонишься ты.
Источник мук, и красота, и лакомство меджлиса * ты,
Оно — на час, ты — навсегда, зачем напрасно злишься ты?

У слов твоих шербета вкус, но жгут, как будто зной в тебе,
Как конь-огонь, ты вся в лучах, и все же блеск иной в тебе,
Жемчужный ток и перламутр! Небесный свет весной — в тебе!
Златая дверь! Двойным замком из серебра хранишься ты.

Пусть солнце озаряет мир, пусть звезды день задул уже,
Твой свет сильней, не побороть твоих лучей разгул уже.
В руке — вода, в руке — и кровь, палач свой гори раздул уже,
Виновен я — убей меня, не виноват — приблизься ты.

Что мне павлин, его наряд! Убранством беспорочна яр *,
Пригретый солнцем гиацинт глядит из снега, точно яр.
Влекомый розой соловей, к тебе прикован прочно, яр,
Меня так скоро не гони, хоть соколом кружишься ты.

Любовь свела меня в постель, ни музыки, ни пенья нет,
Врачи все охают подряд:

«Саят-Нове спасенья нет,
Кто приглашал — ушел ни с чем. Душе — отдохновенья нет,
Но встану я, коль ты придешь, коль с кыманчой * сдружишься ты.

* * *

Коль неучу слово дано, ему внимать к чему теперь?
Коль все кругом черным-черно, нам маков ждать к чему теперь?
Коль смерти ты ему желал, плач соблюдать к чему теперь?
Для савана лишь цвет один, зря украшать к чему теперь?

Платить за слово мастеров добра и денег не жалей.
Цвет цвету рознь, числа им нет, один богаче, тот бедней.
Иного наряди в атлас, ничуть не станет он видней.
Коль черен ты, уж родинки тебе желать к чему теперь?

Кто справедлив и чист в делах, я лишь того готов ценить.
И мудрецам не удалось нам до конца мир объяснить.
Вот скакет рок — крылатый конь четвероглав, — его ль произнить?
Нам ничего не взять с собой, тлен собирать к чему теперь?

Разлука с матерью горька, заплачь, дитя, тоску залей.
Силки расставил Сатана, соблазнами он всех сильней, —
Сынов Адама ждет беда, — его улов, что день, мощней,
Когда б не так, то Орину* нам благословлять к чему теперь?

Судьбы кружится колесо — достатком ты не наделен,
Увидят — стар, помят армяк *, не спросят: гость? Откуда он?
Саят-Нова для ран своих целебных трав, корней лишен,
Врачи не могут врачевать, колдунью звать к чему теперь?

* * *

Я — на чужбине соловей, а клетка золотая — ты!
Пройдешь, как по ковру царей, лицо мне попирая, ты!
Твои ланиты роз алей, как образ дивный рая — ты!
Как шаха, я тебя молю; молчишь, не отвечая, ты!

О милая! Вoshла ты в сад и взорами цветы палишь:
Твои глаза огонь струят, ты силой красоты палишь,
А я своим мученьям рад: сгораю я, а ты палишь...
Никто так стройно не ступал, как ходишь, всех сжигая, ты!

Причири меня к своим рабам! Что я твой раб, не скрою я!
Поставь меня к своим вратам: страдать в темнице стою я!
Я жив иль мертв, не знаю сам, но болен льшишь тобою я!
Как море, как Араз *, мечусь: причина, дорогая, — ты!

Ты, с пятнышком лица, мила; кто видел, тот пленен тобой,
Хотя ты мной пренебрегла, но суд произнесен тобой.
Ты отвернулась, отошла, не выслушан мой стон тобой,
Хотя жизнь можешь даровать, как царь повелевая, ты.

Саят-Нова сказал в слезах:

«Я слез не лью, пока могу,
Но буду выносить я страх и скорбь свою, пока могу.
Хочу быть славным на пирах, тебя пою, пока могу...
Когда б со мной, саз * золотой, вошла на пир, сверкая, ты!»

* * *

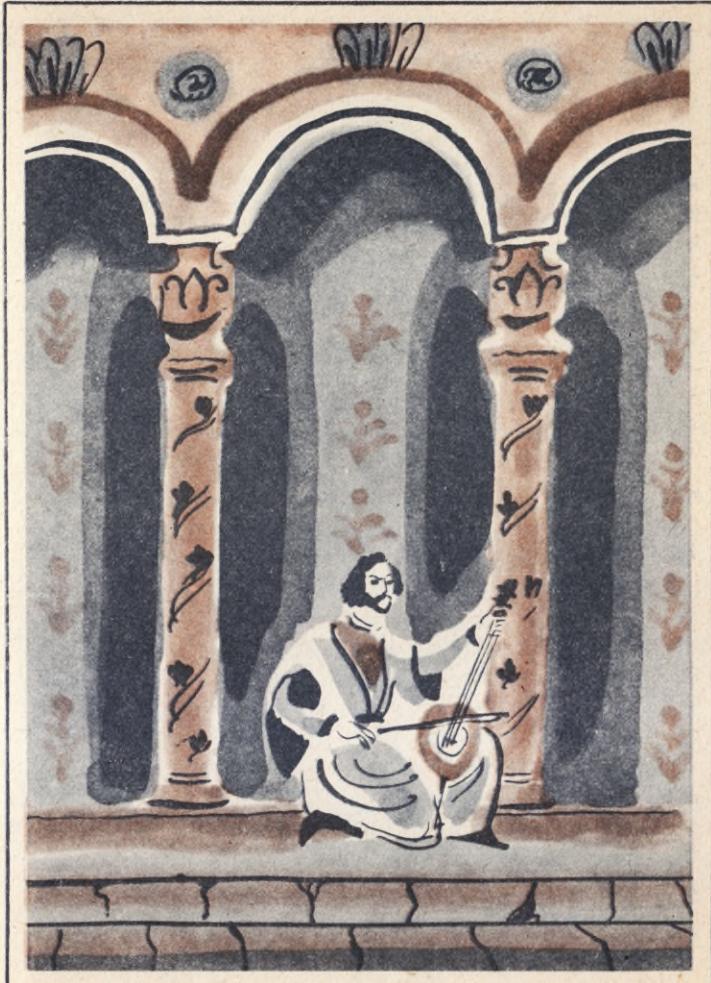
Я в жизни вздоха не издам, доколе джан * ты для меня!
Наполненный живой водой златой пинджан * ты для меня!
Я сяду — ты мне бросишь тень, в пустыне — стан ты для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!

Ты вся — чинарный кипарис; твое лицо — пранги-атлас *;
Язык твой — сахар, мед — уста, а зубы — жемчуг и алмаз.
Твой взор — эмалевый сосуд, где жемчуг, изумруд, топаз.
Ты — бриллиант, бесценный лал * индийских стран ты для меня!

Как мне печаль перенести? иль сердце стало как утес?
Ах! я рассудок потерял! в кровь обратились токи слез!
Ты — новый сад, и в том саду, за тыном из роскошных роз,
Позволь мне над тобой порхать: краса полян ты для меня!

Любовью опьянен; не сплю, но сердце спит, тобой полно:
Всем миром пусть пресыщен мир, но алчет лишь тебя оно!
С чем, милая, сравню тебя? — Все, все исчерпано давно.
Конь-Раш * из огненных зыбей, степная лань ты для меня!

Поговори со мной хоть миг, будь — милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты — солнцу щит средь синевы!
Ты — лилия долин и ты — цветок багряный средь травы:
Гвоздика, роза, сусамбар * и майоран * ты для меня!

* * *

Я Твой силен ум: таким рожден, — себя глупцу равнять зачем?
 Н: Меня за свой вчерашний сон презрительно считать зачем?
 Я Я издавна горю, сожжен! опять меня сжигать зачем?
 У: Устала ты, поверю я, меня же обвинять зачем?

Т Привет! ведь ты сильна как тот Ростом, сын Зала! * — дочь царя!
 Я Старинный твой прославлен род, красы зерцало, дочь царя!
 Т Коль грешен я, пусть меч не ждет меня нимало, дочь царя!
 Т Но господа побойся ты: напрасно враждовать зачем?

К Кто ранен, позовет врача: не повредит — поможет он;
 А Раба ругают сгоряча, судиться все ж не может он.
 Т Кто сердцем светел, как свеча, молву людей отложит он.
 П Я богом истинным клянусь: меня нещадно гнать зачем?

Л Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус ручьев моих!
 В Не всем мои писанья читть: особый смысл у слов моих!
 С Не верь: меня легко свалить! гранитна твердь основ моих!
 К Так наводненьем без конца их тщетно подрывать зачем?

И Бьет ветр морской, песок гоня: песка не меньше будет все ж!
 Б Живу ль, не станет ли меня, толпу напев разбудить все ж!
 С Уйду, но в мире с того дня и волос не убудет все ж!
 К В Абаш *, к арабам, к индам прах Саят-Новы ссылать зачем?

* * *

Оставь меня! Хитрить, платить бесчестью дань я не хочу!
 Я униженья не хочу, в ногах валяться не хочу.
 Исподтишка передавать чужую брань я не хочу.
 И сколько б ни твердили мне: «Двухличным стань!» — я не хочу!
 Я простолюдин, а не князь. Другого званья не хочу!

Не допускай, чтоб кровь моя рекою попусту лилась.
 Ты, видно, дорогой ценой купил меня на этот раз.
 К тебе с поклоном я приду: иранский чин введен у нас.
 Но ты одень меня в шелка и переливчатый атлас:
 С каймою черной нипочем я одеянья не хочу!

Ты слов моих не отвергай, коль правда у тебя в чести.
 Зато твоей одежды край отныне я готов нести,
 И прахом голову мою в своей гордыне ты сочи!
 Но саду твоему — с моим в одной долине расцвести.
 Меж ними кольев не вбивай: размежеванья не хочу!

Ушло былое, не вернуть поры твоей, Саят-Нова!
 О ней напрасно не вздыхай и слез не лей, Саят-Нова,
 Отныне всякий по плечу ударит:

«Эй, Саят-Нова,
 Куда идешь? Ступай ко мне, и ешь, и пей, Саят-Нова».
 Но хлеба с твоего стола, с тобой братанья — не хочу!

ГЕВОНД АЛИШАН

1820—1901

РАЗДАН *

Раздан-река, поток родной,
Раздан — сладчайшая струя.
К тебе, покинув край чужой,
Пришел, Бабкен-скиталец, я.
Раздан! ах, струй родимых бег!
Об чем грустишь, безмолвный берег?

Я — ваш! Меня ли не признать?
Ведь сердце не забыло вас.
Зачем забыли вы журчать
И скорбь — в сиянье ваших глаз?
Раздан, ах, струй родимых бег!
Об чем грустишь, безмолвный берег?

Увы, найду ль зеленый лес,
Мою лачугу с миндалем?
Под бурей сгиб, в волнах исчез
Ужель мой сад? и ты, мой дом?
Раздан, ах, струй родимых бег!
Об чем грустишь, безмолвный берег?

Где свет очей, моя Хантук?
И где друзья мои, Раздан?

В плена ль у перса, в ряде мук,
Иль им покой в могиле дан?
Раздан! ах, струй родимых бег!
Об чем грустишь, безмолвный берег?

Прошло, исчезло все. Ушла,
Исчезла матерь Айастан *.
Я одинок здесь, у русла,
И мимо ты бежишь, Раздан.
Беги! Ты многое унес.
Довольно мне, Бабкену, слез!

МКРТИЧ ПЕШИКТАШЛЯН

1828—1868

МЫ — БРАТЬЯ

Пусть, как один святой напев,
Природы голоса поют;
Иль пусть — прекраснейшей из дев
Персты по струнам пробегут;
Все эти песни не звучат
Милее звуков слова: «брать»!

Мы — братья! Руку мне подай:
Лишь буря разлучала нас!
В лобзанье братском исчезай
Все зло, что создал Рок на час!
Везде, где очи звезд блестят,
Что есть желанней слова: «брать»!

Пусть мать седая Айастан
Друг с другом видит сыновей
И боль целит глубоких ран
Слезами сладкими очей!
Везде, где звезд огни горят,
Что есть прекрасней слова: «брать»!

Мы прежде шли путем одним...
Мечты — вновь вместе быть — зовут!

Печаль и радость съединим,
И плодотворен будет труд!
Везде, где звезд нетленен ряд,
Что есть священней слова: «брать»!

Ах! вместе сеять, вместе жать
И вместе лить на нивах пот.
И жатву блага собирать:
Твой, твой расцвет, родной народ!
Какие же звуки прозвучат
Милей желанных звуков: «брать»!

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

1829—1866

СВОБОДА

Когда свободный бог в меня
Вдохнул дыханье человека
И бренному созданью дал
Дар кратковременного века, —
Я, бессловесное дитя,
Не зная горя и невзгоды,
Ручонки слабые простер
К видению свободы.

Когда не спал я по ночам,
Спеленут, связан в колыбели,
И заливался, и кричал,
Пока не встанет мать с постели
И не развязает детских рук
Ребенку малому в угоду, —
Наверное, тогда я дал
Обет любить свободу.

Когда от первой немоты
Освободил я голос звонкий
И радовались все кругом
Живому лепету ребенка,
Не «мать» и не «отец» тогда
Сказал я, как велит природа.

Нет, детские мои уста
Произнесли: «Свобода!»

«Свобода? — эхом прозвучав,
Судьба сурово вопросила. —
Свободы воином навек
Ты хочешь стать, а хватит силы?
Тернист и тяжек будет путь
Отдавшего себя народу.
Мир узок, тесен для того,
Кто полюбил свободу».

«Свобода!» — восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь.
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

РАФАЭЛ ПАТКАНИ

1830—1892

СЛЕЗЫ АРАКСА *

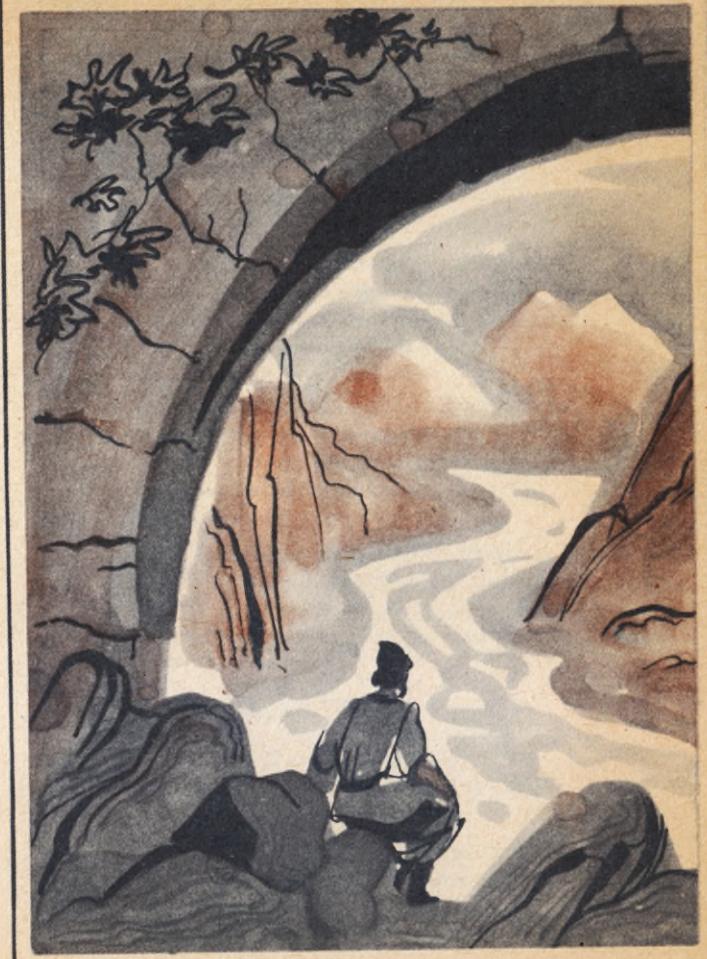
По берегам твоим заснувшим
Брожу, Аракс, в тоске моей.
Я уношусь к векам минувшим,
Взываю к теням славных дней!..

Но волны бурные несутся,
Не внемля, пеньясь и шумя;
О берег с плачем горьким бьются
И мчатся в дальние края...

Поведай мне, Аракс могучий,
По ком рыдаешь ты порой?
Зачем объят тоскою жгучей
Ты даже чудною весной?

И слезы горькие струятся,
Из гордых падают очей,
И волны к морю вдали стремятся
От грустной родины моей...

О, не мути же в гневе воды!
Забудь волненье и печаль!
О, вспомни вновь былые годы!..
Зачем спешишь ты к морю вдаль?..

Пусть снова розы украшают
Сады прибрежные твои,
А ночью песней оглашают
Заснувший берег соловьи!

Пусть ивы свежестью отрадной,
Сгибаясь, дышат у воды —
И в жаркий день в струе прохладной
Купают нежные листы.

Пускай пастух с свирелью бродит
По берегам твоим порой
И стадо мирное приходит
К тебе в жару на водопой!..

Аракс запенил гневно воды
И влагу бурей всколыхал, —
И в шуме диком непогоды
Я голос грозный услыхал:

«Зачем с желаньем безрассудным
Пришел, безумец, ты ко мне, —
Тревожить вновь виденьем чудным
Меня в тяжелом полуслне?

В тоске по муже, в тяжком горе,
Ужель вдову, средь грустных слез,
Ты встретишь в праздничном уборе,
Как в годы счастья, в годы грез?

И мне... зачем мне украшаться?
Красою чей мне тешить взгляд?
Мои сыны в пленау томятся,
Мои враги везде царят...

А были дни, в краю свободном
Я в чудном блеске протекал,
И к морю вдали в просторе водном
Спокойно шел за валом вал.

В те дни я гордо украшался,
Сверкали, искрились струи...
А утром ранним отражался
В них отблеск пламенной зари.

Но что же стало с древней славой
Моих роскошных берегов?
Где храм иль замок величавый?
Где блеск старинных городов?

Лишь Аарат не забывает
О славе скрывшейся моей,
И влагой нежно он питает
Мое русло, как мать — детей...

Но влаги вечной и священной
Достойны ль мертвые поля,
Где турок властвует презренный
И стонет древняя земля?

ГЕВОРГ ДОДОХЯН

1830—1908

Мои сыны... Их нет со мною!
Но сколько их в стране чужой,
В борьбе с гнетущею нуждою,
В борьбе за хлеб насытный свой!

Моих сынов враги изгнали,
Отчизну душит низкий плен,
И в древний край они прислали
Толпы неверных мне взамен!

Для них ли пышными цветами
Теперь украсу берег свой,
И мне ль пред дикими очами
Блистать чарующей красой?

Пока сыны мои томятся,
Пока для них отчизны нет,
Я буду скорби предаваться, —
И свят да будет мой обет!»

И, белой пеной одеваясь,
В ней скрыл Аракс свою печаль, —
И, точно змейка извиваясь,
Понес он волны к морю вдаль.

ЦИЦЕРНАК *

Цицернак, цицернак,
Гость пернатых ватаг,
Ты куда же летишь,
За зигзагом зигзаг?

Чрез поля, чрез овраг
Мчись в родной Аштарак
И под кровлей родной
Свей гнездо, цицернак!

Там, далёко, с тоской,
Мой отец, весь седой,
Сына милого ждет
С каждой новой зарей.

Мой привет в этот дом
Передай перед сном
И скажи:
«Ах, старик,
Плачь о сыне своем!»

Расскажи, сколько бед
Я терплю много лет;
Что все дни я — в слезах,
Что полжизни уж нет.

СМБАТ ШАХАЗИЗ

1841—1907

Для меня небосклон
От зари затемнен.
На глаза мои в ночь
Не спускается сон.

Ах, без пользы вдали
Силы сердца ушли.
Я — красивый цветок
Без родимой земли.

Улетай, цицернак!
За зигзагом зигзаг,
Мчись к армянской земле,
В мой родной Аштарак!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВЯТОЙ ТРУД!

Была пора любви беспечной...
На струнах лиры молодой
Я пел о страсти бесконечной,
Объятый пламенной мечтой...

И музу неги самовластно
Внушала песни мне свои,
О чудных снах шептала страстно,
О сладких грезах, о любви...

Я возмужал и сбросил смело
Ревнивой музы власть и гнет...
И честный труд, святое дело
К себе мечты мои влечет!

Я услыхал рыданий звуки
И вздохов тяжких в грустный миг...
Я горечь слез познал и муки,
Мольбы народа я постиг...

И дал обет служить всецело
Я близким песнею своей...
И честный путь прославит смело
Певец трудающих людей!

* * *

Все было тихо... Ночь настала...
А там, в небесной вышине,
Так много ярких звезд блистало
И душу радовало мне...

Опять вдыхал я грудью жадной
Цветов роскошных аромат...
И, освежен росой прохладной,
Дремал так мирно чудный сад...

И пел я, с чистою душою,
Все песни скромные свои —
Про дальний край, любимый мною,
И чувство искренней любви...

СОН

Я услышал нежный голос,
К старой матери склонен,
Сердце с радостью боролось...
Горе! Это был лишь сон.

Там журчал ручей струистый,
Жемчугами опьянен.
Как хрусталь прозрачно чистый...
Горе! Это был лишь сон!

ДЖИВАНИ

1846—1909

Грустной песнею волнуем,
Был я детству возвращен...
Мать приникла поделуем.
Горе! Это был лишь сон.

Мать отерла мне в печали
Взор мой — был он затемнен.
Ах, но слезы все бежали:
Почему то был лишь сон?

Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут — уйдут.
Всему есть свой конец, не плачь! Что бег минут: придут — уйдут...
Тоска потерпеть пусть мучит нас, но верь, что беды лишь на час.
Как сонм гостей, за рядом ряд, они снуют: придут — уйдут.

Обман, гонение, борьба и притеснение племен,
Как караваны, что под звон в степи идут, придут — уйдут.
Мир — сад, и люди в нем — цветы! но много в нем увидишь ты
Фиалок, бальзаминов, роз, что день цветут: придут — уйдут.

Итак, ты, сильный, не гордись! итак, ты, слабый, не грусти!
События должны идти, творя свой суд: придут — уйдут.
Смотри: для солнца страха нет скрыть в тучах свой палящий свет,
И тучи, на восток спеша, плывут, бегут: придут — уйдут.

Земля ласкает, словно мать, ученого, добра, нежна;
Но диких бродят племена, они живут: придут — уйдут...
Весь мир — гостиница, Дживан! А люди — зыбкий караван!
И все идет своей чредой: любовь и труд, — придут — уйдут.

* * *

ПЕТРОС ДУРЯН

1852—1872

МОЯ СМЕРТЬ

Если смерти ангел бледный
Мне предстанет, взор склонив,
Свеет скорбь рукой победной,—
Знайте: я, как прежде, жив!

Если светом бледным свечи,
Ложе смерти озарив,
Мне зальют лицо и плечи,—
Знайте: я, как прежде, жив!

Если друг, в слезах, быть может,
Льдистым саваном обвив,
В черный гроб меня положит,—
Знайте: я, как прежде, жив!

Если колокол застонет —
Смерти смех, ее призыв —
И мой гроб в толпе потонет,—
Знайте: я, как прежде, жив!

Если близкие, с рыданьем
Гроб в могилу опустив,
Не промедлят с расставаньем,—
Знайте: я, как прежде, жив!

Если ж та могила станет
Всем чужой и навсегда
Память обо мне уяннет,—
Знайте, что я мертв тогда!

МОЯ СКОРБЬ

Я не о том скорблю, что, в жажде сновидений,
Источник дум святых иссякшим я нашел,
Что прежде времени мой нерасцветший гений
Сломился и поблек под гнетом тяжких зол;

И не согрел никто горячим поцелуем
Ни бледных уст моих, ни бледного чела;
И, счастья не познав, любовью не волнуем,
Смотри: уж предо мной зияет смерти мгла...

И не о том скорблю, что нежное созданье,
Букет из красоты, улыбки и огня,
Не уладит мое последнее страданье,
Лучом своей любви не озарит меня...

Я не о том скорблю... Нет, родине несчастной —
Все помыслы мои... О ней моя печаль!
Не в силах ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвестно умереть, — о, как мне жаль, как жаль!

ИОАННЕС ИОАННИСЯН

1864—1929

ДВЕ ДОРОГИ

Гляжу вперед — там две дороги.
Одна из них ведет туда,
Где нет ни горя, ни тревоги,
Где светлые весны чертоги
Не увядают никогда.
Там из бессмертных роз свивает
Любовь один венок живой,
Там все от радости сияет
И скромный труженик вкушает
Желанный, сладостный покой.

Другая — та ведет в пустыню,
В обитель мрака и тоски.
Здесь роз цветущих нет в помине,
Здесь только камни да пески.
Здесь слез родник печальный льется
И нет защиты для рабов,
Здесь солнца луч не улыбнется,
Здесь буря сумрачная рвется
С нависших низко облаков.
Куда же мне шаги направить?
Какой из двух мне выбрать путь?
Там можно солнце в песнях славить,
В садах зеленых отдохнуть.

Там дева чудная, с глазами,
Напоминающими пламя,
В тени деревьев ждет меня,
Любовь и радость обещая.
На грудь к ней голову склоня,
Вкусу я наслажденье рая...
А здесь мой слух не обласкает
В зеленой роще птичья трель,
И не увижу я отсель
Лугов ковер необозримый...
И все же здесь, среди гоненья,
Найду свое предназначенье,
Моей печали колыбель, —
Чтоб стало садом запустенье
Необработанных земель!
Не там, а здесь я вижу цель!
Пусть там ни горя, ни заботы,
Здесь — труд и отдыха — ни дnia...
И я стою у поворота:
Судьба моя,
веди меня!

ЗЕРНО

Рассвело, пора выходить в поля,
Взрежет грудь земли острый лемех мой.
Милое зерно, пусть тебя земля
Сохранит, пока не наступит зной.

Вместе с тем зерном я зарою тут
Мой тяжелый груз горя и тревог,
Глубоко в земле пусть они сгинют,
А зерно взрастет, коль захочет бог.

Нынче буду жечь свечку до утра,
Не смыкая глаз, помолюсь о том,
Чтоб была к тебе мать-земля добра,
Чтобы был росток напоен дождем.

Если же дождя небо не пошлет,
Если стебель твой будет зной палить, —
В море превращу мой горячий пот,
Чтоб твою, зерно, жажду утолить.

Милый колос мой, зеленей, рasti,
Золотой волной поле покрываи,
Отгоняй печаль, нежно шелести
И спокойный сон сердцу навевай.

* * *

Когда моя музя младая,
Впервые спугнув тишину,
Явила мне, петь обещая
Всегда про любовь и весну, —

Как робко я вторил вначале!
Учился за ней воспевать
Весну, и девичьи печали,
И сладкой любви благодать.

Шли годы. И сердце, мужая,
Почуяло пламень иной.
И черная злоба людская
Повисла, как тень, надо мной.

Забудь же любви песнопенья,
Свободу, певец, воспевай,
В кровавое выйди сраженье
И ядом перо напитай!

Настрой свою новую лиру,
Восстань против рабства и лжи
И язвы позорные миру
Без страха в лицо укажи.

И пусть даже зло ужаснется,
Увидев воочью свой плод,
И сам лицемер отшатнется
И лживую маску сорвет.

* * *

Дорогая, усни! Сладкий сон призови,
Чтобы очи сомкнуть у меня на груди.
Полнозвучной волной песнопений любви
Очарованный слух до зари услади.

Благовонными розами я уберу
Твои кудри и грудь, колыбель всех отрад.
Спи, царица моя, спи, пока поутру
Стai радостных птиц в небеса не взлетят.

И едва только золото первых лучей
Заиграет, горя, над твоей головой,
Пусть разбудит тебя голос страсти моей —
На багряных губах поцелуй огневой.

* * *

Умолкли навсегда времен былых народы,
Родились новые народы в смену им;
И с пальмой нежною зиждительной свободы
Склонилось счаствие к народам молодым.

И слава працедов, забрезживши звездою,
Роняет им свой луч и светом гонит зло;
И добытый трудом, печально и борьбою
Венок бессмертия венчает их чело.

Лишь только ты одна, Армения родная,
Лежишь, как труп живой; мне горестно взглянуть:
В цепях тоскуешь ты, прекрасный лик склоняя,
Разметана твоя истерзанная грудь.

Из-под твоих руин не глянет ветвью новой
Зеленый мир любви — спасения символ;

Возложен на тебя тоски венец терновый,
Венец немых скорбей и вековечных зол!

Но нет, ты не умрешь! Я верю в обновление;
Оно должно прийти, — оно к тебе придет!
Во мраке вековом горит звезда спасенья!
Пронсися, близок час, о родина, — он ждет!

Все то, что некогда в душе твоей боролось,
Пусть вспыхнет вновь! Воспрянь во прахе и пыли!
Хоть полумертвава, услыши, подай свой голос, —
Твои сыны придут со всех концов земли!..

* * *

Всё вперед, всё наверх! Бесконечен мой путь,
Истомилися руки, о где же конец?
Где удастся коленам моим отдохнуть?
Всё вперед, всё наверх, непреклонный боец!

Пусть твердеют уступы нахмуренных гор,
Пусть грозней предвещают стремнины конец,
Есть дыханье в груди, и ногам есть упор,
Всё вперед, всё наверх, неустанный боец.

Пусть далеко вершина, светла и чиста,
Пусть еще не сегодня страданьям конец,
Завтра будет, наверно, победа взята.
Всё вперед, всё наверх, вдохновенный боец.

* * *

Безмолвствуй, сердце! Кто бы мог
Понять твою печаль?
Таких, как мы, пригнал поток —
Поток угонит вдаль.

Мы щепкой на волнах реки
Уносимся вперед.
Спасти нельзя, и крик тоски
Без отклика замрет.

Безмолвствуй, сердце! Наших мук
Не скажем никому.
Страданье — сокровенный друг,
Мы с ним сойдем во тьму.

* * *

Один, всегда один, я счастлив тем!
Я полон ликованием неземным,
Живу я вольно юным сердцем всем,
И каждый миг считаю я своим.

Вдали от шума вздорной суэты
Свободен я от мелочных страшней,
Ласкаю сокровенные мечты,
Страдаю без сочувственных речей.

С восторгом тем, что высказать нельзя,
Хочу, мечты захвачен высотой,
Как облако чистейшее скользя,
Рассеяться в бездонной сини той.

Как снег вершин, истаяв, в синеву
Скользить хотел бы струйкой ручейка,
Пройти, лугов чуть шевеля траву,
Как легкое дыханье ветерка.

Иль, как от страсти потерявшай речь,
В объятиях нежных сжатый горячо,
На грудь земли на теплую прилечь,
Заснуть навек, не помня ни о чем.

ПАМЯТИ А. СПЕНДИАРОВА *

К нам с pontийских дальних берегов
Он пришел, одной мечтой сгорая:
Песен почерпнуть из родников
Незнакомого родного края.

И душою скоро мы срослись
С тем, кто был чужим для нас недавно.
Полюбил он древний наш Масис *,
Переливы тихие Раздана.

Разгорелся в сердце новый пыл,
Зарождались новые звучанья,

Он с волненьем неотрывно пил
Обретенной родины дыханье.

Струны ли ашуг * перебирал,
Иль шумела пляска круговая,—
Звуки те певец в себя вбирал,
Новый мир melodий открывая.

Гостю ясно улыбалась даль,
Но нашли непрошеные тучи,
В тихий час вечерний навсегда
Смолкло сердце, полное созвучий.

АЛЕКСАНДР ЦАТУРЯН

1865 — 1917

МОЯ КЛЯТВА

Пока в груди еще горит
Огонь святого вдохновенья
И смелый голос мой звучит
С горячей страстью убежденья,
Покуда смерть своей рукой
Меня за горло не схватила,
Пока любовь моя со мной,
А с ней и мужество и сила, —

Хочу и буду воспевать
Лишь справедливые деянья
И в страстных песнях прославлять
Единой девы обаянье!
Я знамя правды подниму,
Ее прославлю неотступно.
И пусть гонения примут
Во имя песни неподкупной!

Пусть толпы темные невежд
Грозятся, что сомнут и бросят
Священный стяг моих надежд,
И яростно его поносят!
Пусть мне холопы лют в стакан
Отраву зависти и мести

И в ярости кричит тиран:
«Повесить дерзкого на месте!»

Правдив, прекрасен мой завет!
Я с ним перенесу гоненья.
Я светел и в годину бед.
А вы... О жалкие творенья!
Кричите! Злитесь все сильней!
Спокойно прохожу я мимо.
Великий свет в душе моей.
Она навек непобедима!

ЭПИТАФИЯ

Он в жизни не завидовал чинам
И знатным именам,
Не тосковал по расписным палатам,
По сундукам пузатым,
И не прельщал его ни звон литавр,
Ни триумфальный лавр.
Не грезил он, чтобы ему при жизни
Воздвигли столп в отчине.

Но он хотел навек с лица людей
Стереть следы скорбей,
Он жаждал, чтоб измученные братья
Пришли в его объятья,

Он в глубине души своей святой
Горел одной мечтой,
И, той мечте отдав и жизнь и силу,
Он отошел в могилу.

МАТЬ

С весенних дней, отцветших навсегда,
Твою любовь, о мать, я вспоминаю.
В тумане жизни, через все года,
Ее печальный светоч сохраняю.

Как сказка с недосказанным концом,
Как песня недопетая, быть может,
Она о счастье говорит былом
И струны сердца горестно тревожит.

С весенних дней звучит мне голос твой,
О мать моя, в тоске воспоминанья.
Как свет зари — была мне жизнь с тобой,
Жизнь без тебя — холодный мрак страданья!

* * *

Не я пою... В печальных песнопеньях
Страдалец, злой судьбой безжалостно гоним,
Тоскует пред людьми, и о своих мученьях,
О ранах сердца он рассказывает им.

Не я пою... Стихов страдальческие звуки
Мой брат тоскующий, измученный поет;
В них вздохи слышатся многовековой муки:
То о судьбе своей рыдает мой народ!

Не я пою... В стихах — печаль и горе мира;
Скорбят невинные, святые жертвы зла...
Приносит жалобы страдальческая лира...
Правдивым небесам на темные дела.

ГРАМОТА

...Возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.
САЯТ-НОВА

Учись, прилежный мальчик мой!
Учись, не пропуская дня, —
И обострится разум твой,
И станет ясной мысль твоя!

Читая книги, узнаешь
Так много новых, чудных стран...
Ты цепи гор перешагнешь,
Ты полетишь за океан!

Тебя научат различать
Добра и зла запретный плод:
Кто в жизни осужден страдать?
Кто на чужой пирует счет?

Читая книги, клад большой
Сберешь по каплям со страниц...
И богачи перед тобой
Смиренно преклонятся ниц.

Загадки жизни разрешишь,
Увидишь свет и вдали и вширь...
Ты целый мир в себя вместишь
И станешь духом богатырь!

Узнаешь, почему кругом
Повсюду горе и нужда.
Зачем как странники плавим
По морю жизни... и куда.

И наконец, увидишь ты,
Как надо ближнему помочь,
Поймешь, в чем корни нищеты,
Кто свет несет, кто сеет ночь.

Учись усердно, мальчик мой,
Чтоб в жизни голову не гнуть,
Как делал твой отец родной, —
А он прошел тяжелый путь!

Отец твой грамоты не знал,
Был пахарь, темный человек.
Он кулаков обогащал,
На них работал целый век.

Пошла бумажная стряпня...
Подделка подписи... Потом,
Однажды, среди бела дня,
К нему пришли, забрали дом...

Он стал мотаться по судам,
Боролся с ними, как умел,
Неграмотный... Ну, где уж там!
Погиб безвременно! Сгорел!

Учись же, славный мальчик мой,
Учись, не упуская дня, —
И обострится разум твой,
И станет ясной мысль твоя!

* * *

Мрачна, темна душа моя!
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я —
Тоскою поделиться с морем.

О беспредельной зыби даль!
Ты тоже мечешься бушуя,
Тебе сродни моя печаль,
Ты ропщешь, как и я, тоскуя.

Внемли же мне, поплачь со мною
И отзовись на голос друга!
Быть может, сблизившись душой,
Мы позабудем боль недуга.

Иль пусть, как сестры, навсегда
Печали наши и томленья
В волнах исчезнут без следа
И там найдут покой забвенья.

Мрачна, темна душа моя!
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я —
Тоскою поделиться с морем!..

СЕЯТЕЛЬ

Сеятель отважный,
Славься между нами.
Не скudeют пашни
Твоими трудами!
Полный упованья,
Преданный отчизне,
Делишь с ней страданья
И радости жизни!

Славься, духом сильный,
Полный доброй воли,
Пот свой изобильный
Струящий на поле!
Пахаря работа
Целый мир питает.
От святого пота
Земля расцветает.

Ты над нею бьешься,
Друг трудолюбивый,
Словно пчелка вьешься
Над светлою нивой...
Бодро принимаешь
Горе и заботы,
Песни распеваешь
Во время работы.
Эти песни с ветром
Унесутся в горы,
К многолетним кедрам,
В ущелья, в просторы.
Прозвучат в них скорби,
Горькие лишенья,
Чистые восторги,
Надежды, моленья.
Если грудь томима
Горем иль невзгодой,
Все, как сын любимый,
Ты делишь с природой.
Откликом в долину
Эхо донесется, —
Мать-природа сыну
На песнь отзовется...

Раннею весною
Солнце заиграет,
Первый луч с зарею
Тебе посыпает.

За горы спускаясь,
В путь спеша обратный,
Шлет тебе, прощаюсь,
Свой луч предзакатный.
Ветерок прохладный
Над тобою реет,
Ласкою отрадной
В лицо тебе веет!
Ручеек журчащий
Для тебя лепечет...
Птица в свежей чаще
С тобою щебечет...

Славит все живое
Речью сладкогласной
Дело трудовое,
Твой подвиг прекрасный!
Муза моя с ними
Скромно запевает,
Сеятеля имя
Стихом прославляет.
К небу возношу я
Жар молитв усердный,
Для тебя прошу я
Судьбы милосердной:
Пусть рукой всесильной
Поле охраняет,
Солнце, дождь обильный
Земле посыпает...
А тому, кто тратит

Дни в труде безвестном,
Нивы да заплатят
Зерном полновесным!

Сеятель отважный,
Славься между нами!
Не скudeют пашни
Твоими трудами!
Полный упованья,
Преданный отчизне,
Делишь с ней страданья
И радости жизни!

ЛЕТИ, МОЯ ПЕСНЯ

Лети, моя песня, дыханьем весны
Туда, где нужда и печали,
Где люди забыли прекрасные сны
И ждать избавленья устали.
Лети, моя песня, лети и звени
И людям надежду верни!

Лети, моя песня, призывом живым
Туда, где в молчанье покорном
Трудится бедняк, а богатый над ним
Царит в этом мире позорном.
Лети, моя песня, и в каждой груди
Спасительный гнев пробуди!

Лети, моя песня, как грозный набат,
Туда, где к столбу пригвожденный
Отважный герой, человечества брат,
Ждет жадно зари возвещенной.
Лети к нему, песня, под сумрачный свод!
Поведай, что солнце встает!

ОВАНЕС ТУМАНЯН

1869 — 1923

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Паши, мой плуг, — до темноты
Должны мы пашню побороть,
Паши, сворачивай пласти,
Благослови тебя господь!

Тяни же, вол, пришел твой срок,
Паши, трудись, мой верный вол.
Эй, подхлестни кнутом, сынок,
Чтоб черный день от нас ушел!

Занимавец вгонит в гроб,
И староста грозит избить,
Молебен отслужил нам поп,
Сказал, что мы должны платить.

Вчера за податью пришли,
А чем платить? Ведь я сам-друг...
Что снять могу с клочка земли?
Паши, паши, мой верный плуг!

Уходят силы день за днем,
Здоров ли, нет, — трудись, как вол,
А малолеток полон дом,
И каждый голоден и гол...

Паши, мой плуг, — до темноты
Должны мы пашню побороть,
Паши, сворачивай пласти,
Благослови тебя господь!

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Ночью лунной, лучистой
Даль прохладна, светла.
Воздух трепетный, чистый,
Звездам нету числа.

Вот селенье в долине
Задремало в потьмах.
Все затихло в нем ныне,
Свет не виден в домах.

Люди спят и не внемлют
После долгих трудов...
На гумне они дремлют
И на крышах домов.

Воздух легкий и зыбкий —
Отдохнут наконец...
Люди спят — и с улыбкой
С неба смотрят творец...

Я гляжу: передо мною
Необъятная земля...
Горы с вечной белизною,
Плодородные поля.

Ни конца у них, ни края,
Широко они легли.
Ветерок звенит, играя,
И леса встают вдали.

Тут везде зверям приволье,
В каждой чаще им приют...
Тут о счастье, о раздолье
Птицы радостно поют...

Вот река в долине вьется,
Над рекой стоят сады.
Мелодично отдается
Шепот медленной воды.

У реки желтеет нива,
Даль прозрачна и ясна.
В легкой дымке — синь залива,
Тихо плещется волна...

Сколько шири и покоя,
Как безбрежно и светло
На земле, где все живое
Жить в согласии могло!

Мысль одна тревогу будит:
Мир просторен и богат —
Отчего ж друг друга люди
Убивают и теснят...

* * *

С горных высей стремится ручей;
Ниспадая, о камни он бьется,
И журчит, и ворчит, и смеется,
И звенит под сияньем лучей.

Сочетанию радостных звуков
Лес кругом слабый отзвук дает, —
Так старик еле внятно поет,
Слыша звонкое пение внуков.

Но безмолвствует вечный утес;
Наклонившись громадой угрюмой,
Он охвачен загадочной думой,
Он исполнен неведомых грез...

АХТАМАР *

Каждой ночью к водам Вана
Кто-то с берега идет
И без лодки, средь тумана,
Смело к острову плывет.

Он могучими плечами
Рассекает лоно вод,
Привлекаемый лучами,
Что маяк далекий шлет.

Вокруг поток, кипя, крутится,
За пловцом бежит волна,
Но бесстрашный не боится
Ни опасностей, ни бед.

Что ему угрозы ночи,
Пена, воды, ветер, мрак?
Точно любящие очи,
Перед ним горит маяк!

Каждой ночью искры света
Манят лаской тайных чар:
Каждой ночью, тьмой одета,
Ждет его к себе Тамар.

И могучими плечами
Бороздит он лоно вод,
Привлекаемый лучами,
Что маяк далекий шлет.

Он плывет навстречу счастью,
Смело борется с волной.

А Тамар, объята страстью,
Ждет его во тьме ночной.

Не напрасны ожиданья...
Ближе, ближе... вот и он!
Миг блаженства! Миг свиданья!
Сладких тайнств райский сон!

Тихо. Только воды плещут,
Только, полны чистых чар,
Звезды ропщут и трепещут
За бесстыдную Тамар.

И опять к пучинам Вана
Кто-то с берега идет
И без лодки, средь тумана,
Вдаль от острова плывет.

И со страхом остается
Над водой Тамар одна,
Смотрит, слушает, как бьется
Разъяренная волна.

Завтра — снова ожиданье,
Так же искрится маяк,
Тот же чудный миг свиданья,
Те же ласки, тот же мрак.

Но разведал враг жестокий
Тайну любящих сердец:
Был погашен свет далекий,
Тьмой застигнут был пловец.

Растоптали люди злые
Ярко блещущий костер,
Небеса молчат ночные,
Тщетно света ищет взор.

Не заискрится, как прежде,
Маяка привет родной,
И в обманчивой надежде
Бьется, бьется он с волной.

Ветер шепчет непонятно,
Над водой клубится пар,
И вздыхает еле внятно
Слабый возглас: «Ах, Тамар!»

Звуки плача, звуки смеха...
Волны ласятся к скале,
И, как гаснущее эхо,
«Ах, Тамар!» звучит во мгле.

На рассвете встали волны
И примчали бледный труп,
И застыл упрек безмолвный:
«Ах, Тамар!» — средь мертвых губ.

С той поры минули годы,
Остров полон прежних чар,
Мрачно смотрит он на воды
И зовется «Ахтамар».

ПЕРЕД КАРТИНОЙ
АЙВАЗОВСКОГО
(Экспромт)

Восстав, в океане неистовых вод
Тяжелыми всплесками бьет до высот,
Под яростный рев строит призраки гор,
И буря безбрежный, безграницый простор
Одевает, как в дым,
Дуновеньем своим.

«Ни с места!» — воскликнул — палитра в руках —
Старик чародей, и взмутившийся прах
Покорён, заслыпавши гения зов;
И в бурю безмолвно громады валов
Вот стоят, как во сне,
На его полотне.

ДВЕ ЧЕРНЫЕ ТУЧИ

С зеленого трона спокойной вершины
Поднявшись тревожно в темнеющий свод,

Гонимые бурей, по краю стремнины
Две тучки печальные мчались вперед.

Но даже и буря, в порыве жестоком,
Одну от другой оторвать не могла,
Хоть злобой дышала и в небе широком
Их, с места на место бросая, гнала.

И вместе, все дальше, по темной лазури,
Прижавшись друг к другу, в безбрежную высь
Гонимые злобным дыханием бури,
Две тучки, две грустные тучки неслись.

НОЧЬ

Ночь избавление дарит
От слез, мучений и тоски.
И горы изменили вид
И стали призрачно-легки.

Все охватил глубокий сон,
Спят люди, звери. Тишина.
И, освещая небосклон,
Плывет торжественно луна.

И над Сипаном * диск повис,
Мерцая светлым серебром,
И он глядит безмолвно вниз
На грустный мир, объятый сном.

Сереброкудрою струей
Лучи прохладные текут
И, распыляясь над землей,
Дремоту сладкую несут.

Но край несчастный мой лишен
Отдохновения и сна,
И полон ужасами он:
Скрывает муки тишина.

Кто будит сумрак гробовой,
Не устает рыдать, стонать?
Чей вопль мешается с мольбой?
Увы, всего не рассказать!

Там путник занемог в пути,
Прихода смерти в муках ждет;
Отцу покоя не найти —
Он дочь умершую зовет.

И старца стон в тюрьме сырой,
И стон страдалицы во мгле.
И гибнет юноша-герой,
Отдавший жизнь родной земле.

Ночь над Арменией темна,
Вокруг необорима тень.
Когда ж рассеется она
И засияет новый день?

* * *

Я странник, сестра, простой пилигрим,
В неведомый край ишу я дорог,
Оторван от жизни, судьбою гоним,
Бреду, одинок.

Преследуют душу прошедшие дни,
Не знаю покоя, хоть всеми забыт,
Изранены ноги, устали они,
И сердце болит.

Но дальше бреду я, усталый, в пыли,
Все дальше от счастья бегу что ни день,
От отчего дома, родимой земли,
Как дикий олень...

Тебя повстречал я, и я не соглу,
Ты мне говоришь, что рассеялся мрак,
Что счастье мне дашь, что напрасно бегу
И жалуюсь так...

Наивная! Небо свидетелем мне:
Ужель я так низок, бесчестен, жесток,
Чтоб в этой тюрьме, в этой мрачной стране,
Счастливым быть мог!

НАША КЛЯТВА

Мы поклялись стремиться к свету,
И нас с дороги не свернуть.
Туманом сумрачным одетый,
Безвестен наш далекий путь.

Мы шли, изранив грудь и ноги,
Сквозь ветры, пламя и клинки,
Но не свернули мы с дороги,
Мечам и бурям вопреки.

И пусть разорваны знамена,
И мы скитаемся в пыли,
И нет нам права и закона,
И горек хлеб чужой земли, —

Но мы бороться не устали,
И не забыли мы завет,
И ловит взор в небесной дали
Священной клятвы горний свет.

ПЕСНЯ АРМЯН

Идем, идем с далекого Востока,
От синих гор, где дальний небосклон,
Давно, давно идем мы издалёка,
Из тьмы веков, из сумрака времен...

Лилася кровь, как волны океана,
Текла рекой из наших тяжких ран,
Страдали мы от зноя, от тумана,
Дышал в лицо угрюмый ураган...

Погибла ты, отчизна дорогая,
И знамя все истерзано в куски, —
Покоя нет, и нет родного края,
И бродим мы средь мрака и тоски...

Но мы идем, надеждою согреты,
Идем вперед, гонимы роком злым,
Святой огонь священного завета
В своей груди упорно мы храним...

Идем, идем... Нам путь лежит далёко,
Нас не страшат удары злой судьбы,
Идем, идем с далекого Востока
Мы, не боясь ни бури, ни борьбы.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Кичливый, жадный человек, твой долг ум, жизнь коротка.
Тебе подобных было — тьма, они текли века, века.
Что унести им жизнь дала? С собой возьмешь ли что-нибудь?
Ты мирно, радостно пройди двухдневный быстролетный путь.

АВЕТИК ИСААКЯН

1875 — 1957

2

Плынут века, жизнь коротка, что будет позже — все равно!
Я был, и есть, и буду я, но это тоже — все равно!
Переменю я сотни форм, все преходящие на земле,
Я со вселенной слит душой, пусть я прохожий — все равно!

3

Да, это все... что ж, друг, подымет чару!
Уйдет и это вдруг, подымет чару!
Жизнь, как струя, звеня, прольется в мире,
Спеши, нам недосуг, подымет чару!

* * *

Хочешь, стану росою печали,
Засверкаю в глазах ярче слез?
Ветерком, прилетевшим из дали,
Буду гладить шелк твоих кос?

Хочешь, нежною розою стану,
На груди запылаю твоей,
Разгорюсь я зарею румянной
И украшу сияньем лучей?

Хочешь, ивой склонюсь над тобою,
Ты же спи, ни о чем не скорбя,
Хочешь, птицей прикинусь ночною,
Буду песней баюкать тебя?

Чем велишь мне, тем я и стану!
Стану небом, землею, луной,
Солнцем, ветром, волной океана,
Только б знать, что любим я тобой!

* * *

Ночью в саду у меня
Плачет плакучая ива,
И безутешна она,
Ивушка, грустная ива.

Раннее утро блеснет —
Нежная девушка-зорька
Ивушке, плачущей горько,
Слезы кудрями отрет.

* * *

Мне озеро привиделось во сне,
Сверкающее золотой волной.
И милая моя, и рядом с ней —
Красавец юный в лодке золотой.

У милой на груди цветы полей,
Лишь розы нет — счастливцу отдана.
Мои сомненья, ветерок, разлей,
Скажи, что мне любимая верна.

Но юноша жемчужин светлых нить
На шею милой весело надел...
О нежный ветерок, не может быть,
Чтоб он ее душою овладел!

В его объятиях любовь моя,
И поцелуев лепет над водой...
На берегу мертвец, и это я,
И только ива плачет надо мной.

* * *

Извивается дорога,
К морю темному ведет, —
Яр Шушан *, меня покинув,
С юношней другим идет.

Я — мертвец, и у дороги
Я лежу во мгле ночной,
Незарытый, позабытый...
Море плачет надо мной.

И орел клюет те очи,
Что глядели на Шушан,
Волк грызет во мраке ночи
Сердце, ждущее Шушан.

А дорога к бездне муки,
К морю темному ведет.
Яр в крови омыла руки
И к венцу с другим идет.

* * *

Прозрачны в небе облака,
Озарена ночная тиши,

Глядится месяц в темь болот,
И тихо шепчется камыш.

Уж аист на прямых ногах,
Как будто в думы погружен,
Спокойно бродит в камышах.
Болота тусклый видят сон.

На берегу угрюмом я
Сижу в блаженном забытьи,
И в грезах тонет мысль моя,
И сон смешил глаза мои.

* * *

Сверкают звезды ярче и нежней,
Безмолвную пустыню обнимая.
Глубоких тайн полна, в душе моей
Пустыня ширится немая.

Здесь величаво тишина звенит
И тонет мысль в безмерности молчанья,
И душу жжет и крылья мне дарит
Тот звездный взгляд, как прорицанье.

* * *

Не глядись в черный взор,
В нем безбрежность ночей,
Ужас тьмы, духи гор,—
Бойся черных очей!

Видишь: сердце — кровавый ручей,
Нет покоя с тех пор,
Как сразил чарый взор, —
Бойся черных очей!

* * *

Схороните, когда я умру,
На уступе горы Алагяза,
Чтобы ветер с вершин Макташа
Налетал, надо мною дыша,

Чтобы возле могилы моей
Колыхались пшеничные нивы,
Чтобы плакали нежно над ней
Распустившие волосы ивы.

* * *

Во долине, в долине Сално * боевой,
Ранен в грудь, умирает гайдук.
Рана — розы раскрытый цветок огневой,
Ствол ружья выпадает из рук.

Запевает кузнецик в кровавых полях,
И, в объятьях предсмертного сна,
Видит павший гайдук, видит в сонных мечтах,
Что свободна родная страна...

Снится нива — колосья под ветром звенят,
Снится — звякая блещет коса,
Мирно девушки сено гребут, и звучат,
Все о нем их звенят голоса...

Над долиной Сално туча хмуро встает,
И слезами увлажился дол.
И сраженному черные очи клюют
Опустившийся в поле орел...

* * *

От жгучего горя сердце мертвое,
И жизни моей иссяк родник.
Мои слезы должны океаном стать, —
Только б скорби моей не узнала мать.

Я буду скитаться один в горах,
Буду биться о камни головой,
Суждено мне волчьей добычей стать, —
Только пусть не узнает об этом мать.

* * *

Моя душа объята тьмой полночной,
Я суетой земною истомлен.
Моей душой, безгрешной, непорочной,
Владеет дивный и великий сон.

Лазурнокрылый ангел в небе реет,
На землю дева сходит, и она
Дыханьем звезд, лобзаньем неба светит
С моей души ночные чары сна.

И день и ночь ее прихода жду я —
Вот-вот она покинет небосклон,
Рассеет ночь души — и, торжествуя,
Я воспою мой дивный, вещий сон!

* * *

Только детства беспечные, светлые дни —
Как весеннего сада цветенье.
После них наша жизнь, где печали одни, —
Безнадежное в бездну паденье.

С древа жизни летят за листами листы,
Уносимые ветра порывом.
Все мечтанья любви, все виденья мечты —
Только память о мае счастливом.

Чье же выстоит сердце, коль ветер все злей
Листья рвет и нахмурилось небо,
Перед скуюю жизни, насмешкой людей,
В битве ради насыщенного хлеба?

В этом мире святого не жди, не зови.
Всё у грубых страстей в подчиненье.

Бестелесной и чистой в нем нету любви —
Разве только в мечтах, в сновиденье.

Много плакал о ней я ночей напролет,
Знаю цену всему я земному.
Ведь любовь — лишь паденье с небесных высот
В низких чувств пламенеющий омут.

Кто ж другого полюбит, волнуясь, скорбя,
Даже близким его называя?
А любить в нем кого-нибудь больше себя,
Словно друга, — затея пустая.

Кто ж родное себе может чувствовать в нем,
С ним своими делиться мечтами?
И, друг другу чужды, уж давно мы живем
Одиноки, как звезды над нами.

И блажен, кто в душе негасимо пронес
Святость лучших и чистых стремлений,
Кто под солнцем проходит долиною грез
Вдалеке от земных искушений.

* * *

Сорванную розу ветке не вернуть,
Мигом миновавшим снова не вздохнуть.

Что пережила ты — все во сне, в тумане,
И любовь и горе — тень воспоминаний.

Сохраний же чистым сердце, доброй будь,
Чтоб на память жизни не осела муть.

Не спеши... Смерть глянет поздно или рано...
Все пройдет бесследно: сны и мгла тумана!

* * *

Да, я знаю всегда — есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране.
И грустна, и, как я, одинока она,
И горает, и рвется ко мне.

Даже кажется мне, что к далекой руке
Я прильнул поделуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске
По ее волосам золотым...

* * *

Душа — перелетная бедная птица
Со сломанным бурей крылом.
А дождь без конца, и в пути ни крупицы,
И тьма впереди и в былом.

Но где-то, усеявши неба покатость,
Не ведают звезды беды,
И ты — голубая хрустальная святость
Большой путеводной звезды.

Хоть раз меня взором мириящим порадуй
И верь мне: конец мятежу.
На дно твоего непорочного взгляда
Я сердце свое погружу.

Душа — перелетная бедная птица
Без дома, без сил и без сна.
А дождь без конца, и в пути ни крупицы,
Дорога ночная темна.

* * *

Безвестна, безымянна, позабыта,
Могила есть в безжизненной степи.
Чей пепел тлеет под плитой разбитой,
Кто, плача, здесь молился: «Мирно спи»?

Немой стопой столетия проходят.
Вновь жаворонка песнь беспечна днем,
Вновь ветер волны травяные водит...
Кем был любим он? Кто мечтал о нем?

* * *

Мне грезится: вечер мирен и тих,
Над домом стелется тонкий дым,
Чуть зыблются ветви родимых ив,
Сверчок трещит в щели, невидим.

У огня сидит моя старая мать,
Тихонько с ребенком моим грустит.
Сладко-сладко, спокойно дремлет дитя,
И мать моя молча молитву творит:

«Пусть прежде всех поможет господь
Всем дальним странникам, всем больным,
Пусть после всех поможет господь
Тебе, мой бедный изгнаник, мой сын».

Над мирным домом струится дым,
Мать над сыном моим молитву творит,
Сверчок трещит в щели, невидим,
Родимая ива едва шелестит.

* * *

Над речкой склонилась
Печальная ива,
На быстрые воды
Глядит молчаливо...

Что вечно в природе?
Все тленно, все бренно.
И все, что приходит, —
Уходит бесследно.

И тяжко вздыхает
Печальная ива.
А воды бегут,
Убегают игриво...

* * *

Мне сказали: «Давно умерла твоя мать,
Умерла твоя мать, сердце жизни твоей».
Мне сказали, что больше не встречусь с тобой,
Что покрыла тебя беспредельная мгла,
Что лицо твое кроткое — прах гробовой...
Нет тебя, той, что самою доброй была.

Но я знаю: меня не покинула ты,
Где-то рядом со мною всегда ты стонишь —
От зари до зари, до ночной темноты.
Каждый миг сострадая, печалясь, любя,
В вечном страхе, в тоске, не жалея себя,
Смотришь, сына всем сердцем храня,
На меня устремляешь свой взор, не дыша,
Все глядишь на меня, все глядишь на меня,
Мать родимая, свет мой, душа...

В РАВЕННЕ *

На глухой вершине Арапата
На мгновенье век остановился —
И ушел...

Острый меч сверкающей зарницы
Об алмазы яркие разбился —
И ушел...

Взор гонимых смертью поколений
Сокользнул по гребню исполина —
И ушел...

Наступил черед твой на мгновенье,
Чтоб и ты взглянул на ту вершину —
И ушел...

МОИ СЛЕЗЫ

Я с грезой один меж родимых долин проводил свой
младенческий день.
Был легок мой шаг, как на горных лугах белокурый
прекрасный олень.
Я, радостный, бегал, была моя грудь от лазурного неба пьяна.
В глазах было золото, в сердце — надежда, душа была богом
полнна.
Пришел и роскошный, дарующий блага румяного лета закат,
И мне, и земле за корзиной корзину дарил плодородный наш сад.
И молча я срезал со стройного стана ветлы из прекрасных ветвей,
Одну — для свирели, для тайной свирели, для будущей песни моей.
Я пел, и ручей, адаманта светлей, и знакомые птиц голоса,
И ропот источников с чистой волной, и шумящиеечно леса,
И утренний ветер, зефир легковейный, нежнее, чем ласка сестры, —
Мне все отвечало на лепет певучий, на звуки свирельной игры.
Сегодня во сне я коснулся рукой сладкозвучной свирели моей.
К губам трепетавшим прильнула она подскуем утраченных дней, —
Но память проснулась, прервалось дыханье, и,
скрытая тьмою ночной,
Не песня лилась, а катилась слеза, а катилась слеза за слезой.

Я С ПЕСНЕЙ УМЕРТЬ ХОЧУ

1

Со сладостью Надежды, Ожиданья
я был наедине в тот вечер.
И взвешивал весами Спасенья и Страданья
я Родины судьбу...
Но в дверь мою в полночный страшный час
вдруг сильный стук раздался.
Вошел с улыбкой друг — красив, как жизнь,
и добр, как брат, и грозен...

2

Он молод был. А искра глаз его была опавшей искрою звезды.
И выточен был стан его из мышц прекрасных мраморов.
А мысль рвала из пламенных странц
великой справедливости людской...
А на челе цветли цветы
и доброты его, и боли.

3

И, сидя рядом, мы, близкие друг другу, говорили о муках Родины.
И голова его под грузом дум все больше походила
на сердце траурного полубога...
А взгляд его в моем все больше находил
предначертаний родственной судьбы...
Улыбки мягко освещали души.

Он длительно молчал. И я молчал.

Воспоминанья увлажняли очи...
Свет лампы голубой, стоявшей на моем столе,
струился вниз очищеною кровью...

Я побледнев.

Исчезла греза с появлением утра...
Но он вдруг встал с осанкою героя,
ладонь мою в свою вобрав и так сказал:

«Знай, этот вечер, друг,
был вечером прощания и веры.

Конь мой оседлан. У ворот твоих
он ржет в упругой лихорадке боя.

Ты видишь: меч мой обнажен.
В нем нагота сверхчеловеческих решений.
Приблизь свое чело к моим устам...
Час нашего прощания и веры!..

А ты воспой и боль, и мощь народа
на этих чистых трепетных страницах
В дар будущим счастливым поколеньям,
в дар нашей прошлой золотой печали.

Я сир, мятежен. Мне — потерянных искать...

Прощай, мой друг...
Дай песнь одну мне, песнь одну мне дай —
я с песней умереть хочу!»

КОЛЫБЕЛЬ АРМЯН

Есть хата; в ней — колыбель;
Из кипариса она.
Вокруг дико воет метель
И сов насмешка слышна.

Со сводов виснет седых
Бус синих, синих овал.
То слезы неба, но их
Жестокий холод сковал.

Там копоть, сырость, капель...
И там безмолвно в тиши
Качается колыбель,
Как месть в глубинах души.

То — место, где армянин
Мятежных кормит детей,
Где цвет лобзаний — один:
Кровавой розы алей.

Там нежных слов не слыхать,
Под песнь любви не уснуть:
И мгла там — строгая мать,
А молний вспышка там — грудь.

В слезах, лишенный всего,
Ребенок должен там жить,
Там случай выблет его
И друг приходит кормить.

Но там, под синью тех бус,
Герой, быть может, сокрыт,
Как в яслях спал Иисус,
Освободитель там спит!

МЕРЦАЮЩАЯ ЛАМПАДА

Ночь победы нынче, невестка моя, —
засвети лампаду скорей.
Сын вернется с войны в родные края, —
засвети лампаду светлей.

Кони ржут у ворот в предутренней мгле, —
поднеси лампаду к двери.
Сын приехал с лаврами на челе, —
поднеси лампаду, смотри!..

На телеге темный плат кровяной...
Посвети среди темноты...
Ранен прямо в сердце мой сын-герой, —
погаси же лампаду ты.

ИЗВАЯНИЮ КРАСОТЫ

Я хочу, чтобы мрамор твой белый
Из нутра Олимпа был вырыт.
Мой резец явит зрячemu миру
Хмеля полное женское тело...

В глубь очей твоих падая, истину
И бессмертье находят там люди.
Лик твой чист. Совершенные груди
Соком жизни томятся таинственно.

Будь нагой, как душа у поэта.
И языческой той наготой
Нам терзаться, не смея при этом

Прикоснуться к тебе. Пред тобой
Убийственным мне быть — быть мне жертвой.
Выжжет кровь мою мрамор твой щедрый.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Не тот это дождь, что наводит тоску,
Унылый, угрюмый, тяжелый, —
Нет, яркий, живой, волосок к волоску,
Как будто из лейки, веселый.

Как будто растаяли звезды в ночи
И на виноградник и поле
С высот проливные струятся лучи,
Дымясь в золотом ореоле.

МИСАК МЕЦАРЕНЦ

1886—1908

И кажется, плачет сквозь смех синева,
И падают с неба алмазы,
И блещет родник, не ослепнув едва
На солнце, лесной, кареглазый.

Тяжелых сапфировых капель не счесть,
Мерцают, как раннее утро,
И блещут, и гаснут, и взгляд не отвесь
От льющегося перламутра.

Весеннею свежестью дышат луга...
Под ливнем умылись овечки...
О запах земли, тепловатый слегка,
На каждом дворе и крылечке!

И в поле, и в поле, где я проливал
Свой пот, выпускает пшеница
Росточки зеленые, каждый так мал,
Но блещет уже и лоснится.

И вот, как в сказанье, попробуй застань
В кустарнике, веющем тонко, —
Под радугой луноподобная лань
Рожает в лесу олененка.

Ночь сладостна, ночь знойно сладострастна,
Напоена гашишем * и бальзамом *;
Я, в опьянении, иду — как светлым храмом:
Ночь сладостна, ночь знойно сладострастна.

Лобзания дарит мне ветр и море,
Лобзания дарит лучей сплетенье,
Сегодня — праздник, в сердце — воскресенье,
Лобзания дарит мне ветр и море...

Но свет души, за мигом миги, меркнет,
Уста иного жаждут поцелуя...
Ночь — в торжестве, луна горит ликуя...
Но свет души, за мигом миги, меркнет...

ТРЕПЕТ

Рой абрикосовых бликов
Жалит ночную вуаль.
С моря уходит печаль
В отблесках лунного лика.

Чары неверно и зыбко
Прячутся под синеву.

Душу мою наяву
Вдруг озаряет улыбка.

Трепетны, неуловимы,
Вспоминанья любви
Быстро восходят в крови,
Если проходишь ты мимо.

Чувство кристальное это,
В радужной млея тиши,
Роет во тьме, близ души,
Теплые борозды света.

СУМЕРКИ

Деву заката
пурпурный красит наряд.

Но отчего я один
с грэозой печальной своюю?

И отчего я теряюсь
в объятьях ее и немею?

А над моей головою
благоухает гранат.

О лучезарный цветок! Мимо прошла ты легко.
Что-то в душе моей

дрогнуло песней неспетой.

Ты улыбнись,
возвращаясь дорогою этой.

Мне —
света жажду я так глубоко.
Мгла опускается в душу мою, где давно уже ночь.
И на заре ожиданий
снова тревожат сомненья.

Лишь пригубив
розовый запах забвенья,
Вновь обращаюсь к тебе,
чтоб себя превозмочь.

Стану под ясной луной или, быть может, впопыхах
Слушать рубиновый пульс грезы своей напрасной.
Где же улыбка и свет, жизнью даримые страстной?
Как же мне сбросить тот груз, что у меня на плечах?
Ты приходи!

Не дано изменить нам мечте.
Так я устал колесить в одиночку тропой незаметной.
Дождь моросят в мою душу, и дрожь стала смертной.
Праздно застыла рука
в траурной пустоте.

НА РАССВЕТЕ

Сонет

В горах, в монастыре, песнь колокола плачет;
Газели на заре на водопой спешат;
Как дева, впившая мускатный аромат,
Пьян, ветер над рекой и кружится, и скачет;

На тропке караван по склону гор маячит,
И стоны бубенцов, как в ночи песнь, звучат;
Я слышу шорохи за кольями обрад
И страстно солнца жду, что лик свой долго прячет.

Весь сумрачный ландшафт — ущелье и скала —
Похож на старого гигантского орла,
Что сталь когтей вонзил в глубины без названья.

Пьянящий запах мне бесстрастно шлет заря;
Мечтаю меж дерев, томлюсь, мечтой горя,
Что пери * явится — венчать мои желанья!

НОЧНАЯ МЕЛОДИЯ

Любви мелодия слышна...
Иль то поток рокочет?
Вот лес одела тишина —
Пора счастливой ночи.

Восточный ясен небосвод,
Украшенный сапфиром...
И аромат цветов плывет
Над услажденным миром...

Великолепна рощи сень...
За ветками, за пнями

Озарена ночная тень
Летящими огнями.

Парит листвы незримый дух,
Сквозь тишину прощежен,
И шелест, радующий слух,
Так сладостен и нежен...

Смотрю: тропинки, как ручьи,
В густой листве мелькают,
А грэзы чистые мои,
Как листья, опадают...

Душа, каков страданий срок,
Удел мой неизменный:
Искать увянувший листок
Надежды сокровенной?

Иль, потемнев, увидишь ты
Любимой увяданье?
Не рви красу моей мечты
И розу обожанья!

БЕЗЫМЯННЫЙ ЦВЕТОК

Скажи, как звать тебя, цветок?
Ты спрятал дикий свой глазок
В густой шиповник, в зелень, в тень;
Скажи, как звать тебя, цветок?

Ты бел, ты пахнешь молоком,
И я с тобою незнаком.
Скажи, дрожишь ли ты чуть-чуть
Под налетевшим ветерком?

Скажи, гордец, а как зовут
Ту фею, что мелькнула тут,
Янтарно-черную струю
Оставив, как волнистый жгут?

Ты знаешь, как зовут, цветок,
Дрожь, что приносит ветерок,
И нежной феи, что прошла,
Меня зовущий голосок?

УТРО

Когда б я этим утром стал,—
Лучами солнца заблистал,
Мглу разогнал во всех углах.

Когда бы утром стать я мог,—
Улыбок свечи бы зажег
У всех несчастных на столах.

Ах, белокурым утром стать,
В одежде розовой предстать,
Нектар даряя тишине.

И было б счастьем для меня
Хоть лучик моего огня
Лампадам темных душ отдать.

Ах, этим утром стать бы мне!

ЭЛЕГИЯ

Гаснет день, и узор из теней сквозных
На поля упал, тишину храня.
Незлобив и ясен, красив и тих
Этот мирный сон уходящего дня.

Над прозрачными водами в тишине
Наклонился камыш и как будто спит,
Небо, поле, река грезят в мирном сне,
Все спокойно вокруг, и весь мир молчит.

Печаль моя, как мечта, светла,
На душе легко, молча я стою.
Не кляну я жизнь, что была так зла,
И не жалуюсь на судьбу мою.

* * *

Как безропотно вянет цветок
Там, где тень — ледяная могила.
Пусть любви моей гибнет росток,
Чтоб она твои дни не мрачила.

И стерплю я гнетущую боль,
Улыбаясь улыбкою ясной;

Мрак мой скрыть мне сегодня позволь,
Скрыть хочу я, что сердце несчастно.

Чтобы, к жизни прекрасной спеша,
Ты рыданий моих не слыхала,
Чтоб твоя молодая душа
Беспрепятственную радость познала.

СУМЕРКИ

Там сеют золото сквозные облака,
И волны ласково рассказывают сказки,
И сердце жаждет слов, что пламенны, пока
Усталая душа о тихой молит ласке.

Звенит покой полей, и льет небесный свод
Неистощимый свет печали и молчанья.
В алмазном зеркале немотствующих вод
Сияют облаков живые очертанья.

И в сердце у меня, где только мгла одна,
Тоска так сладостна в своей тревоге знойной, —
Желаний там лампада зажжена...
Как небеса горят на глади вод спокойной!

О сладостная боль в сознании моем,
В бездонном мире ты одна подобна чуду,
Любовь твоя горит и светится во всем,
Безумная тоска безмолвствует повсюду.

ЖЕЛАНЬЕ БЫТЬ СЛЕПЫМ

Теперь я знаю, что обычной,
Простой ты девушкой была.
Моя мечта своим сиянем
Твой тусклый облик залила.

Наполнил я красивой грустью
В тебе сердечка пустоту,
И дней твоих пустых теченью
Я подарил свою мечту.

Теперь я знаю — как другие,
Была ты девушкой пустой.
Я был бы во сто раз счастливей,
Оставшись с прежней слепотой.

НА РОДИНЕ

Медлительна поступь коня моего,
И скучен мне этот извилистый путь.
Не помнить, молчать, не желать ничего,
Отбросить мечты, согревавшие грудь.

Отчаяньем темным отмечен мой шаг,
Безмерная горечь на сердце моем,
Вокруг разорение, гибель и мрак,
Дотла ты разрушен, родимый мой дом.

Нас черные ночи давно облекли...
Куда б ни пошел я главу приклонить,
Нигде не найду я родимой земли
И горя в пути не в силах забыть.

На северे этом, холодном, чужом,
Упасть и исчезнуть, уснуть навсегда,
В забвение кануть с тобою вдвоем,
Мой дом, отошедший в былые годы.

Жестокая память — терзающий враг,
И болью мучительной сердце горит.
Все — гибель и мгла, разрушенье и мрак,
Извилистый путь темнотою покрыт.

Чем дальше бреду я, тем тягостней он,
Тем с меньшей надеждой гляжу я кругом.
Тебя уже нет, ты преданье и сон,
Ты стал сновиденьем, родимый мой дом.

ДВА ПРИЗРАКА

Я здесь, ты здесь: здесь я и ты,
Чарует мир полночный свет;
Мы здесь одни, здесь я и ты,
Я тоже ты: меня здесь нет.

Нет страшных дней с тобой вдвоем!
Но где же время, где же дни?
Мы, как два призрака, живем,
Когда вдвоем, всегда одни.

Минувшее забыли мы,
Томление, ропот в скорбный час,
И свет иной сквозь ужас тьмы
Сияет весело для нас.

Я здесь, ты здесь; здесь я и ты,
Чарует мир полночный свет;
Мы здесь одни, здесь я и ты,
Я тоже ты: меня здесь нет.

* * *

Нет, ничего не знаю я
Прелестнее на свете,
Чем грусть, девичья грусть твоя...

И жизнь светлее в этот вечер,
Печальней и светлей она,
Как и любовь твоя...

И взор лучистый твой
Сквозь сумрак ночи мглистой
Струит так нежно на меня
Свет беспредельный, чистый...

КАРУСЕЛЬ

Ты кружись, карусель, — все равно
Эту песню я знаю давно!

Все как в сказке, как в розовом сне,
Все спокойному счастью сродни.
Ты с лукавою нежностью мне
Улыбалась в те давние дни.

И кружилася от ласк голова,
Увлекала нас радость в полет.
Это мы — или лгут нам слова?
Это мы — или мир нам поет?

Ты кружись, карусель, — все равно
Эту песню я знаю давно!

Был пред нами чарующий свет,
Солнца был золотящийся шар,
Но, сверкнув, отгорели — и нет,
Больше нет опьяняющих чар.

Боль, тоска, горечь хлынувших слез...
Мир рыдает иль ты — не пойму.
Гасни, отсвет обманчивых грез,
Чары прошлого, скройтесь во тьму!

Ты кружись, карусель, — все равно
Эту песню я знаю давно!

Это песня ушедшего дня,
Ты ее повторяешь опять:
«Я люблю, ты не любишь меня»,
Как же старых мне слов не узнать?

То старинного вальса волна,
Парк, аллея, с тобой мы вдвоем,
Поцелуй, и ночь, и луна —
Давний, скучный рассказ о былом...

Ты кружись, карусель, — все равно
Эту песню я знаю давно!

Кружат пары в угарае сердец.
Пусть гадает, кто тайной пленен:
Где той песне начало, конец?
Я — вчера, нынче — ты, завтра — он.

Ты кружись, карусель, — все равно
Эту песню я знаю давно!

* * *

Дитя мое, ты как птица
Над вешним простором луга.
Пусть мимо тебя промчится
Стрела, пусть мороз и выюга
Души твоей не остудят,
Пусть крыл не коснется пламя,
Нетронутым сердце будет
Сиять, как звезда, над нами.
Ты лилией белоснежной
Цветешь на горе высокой,
Так пусть красы безмятежной
Дурное не встретит око!

* * *

В златотканой одежде явилась ты,
Грустноокая осень... В туманной мгле
Листья тихо падают с высоты
И шуршат, как шелк, скользя по земле.

Вспрощающее ясен, глубок твой взгляд,
Ты пленяешь таинственностью меня.
Тихой кротостью вздохи твои звучат, —
Колыбельная на исходе дня.

Солнцу гаснущему, и песне твоей,
И шуршанью, и грусти твоей — привет.
О любимое время души моей,
Моя нежная осень, закатный свет...

* * *

О, дни еще печальнее настанут,
Суровей и мрачней, чем ныне дни...
Таким напрасным станет все вокруг,
О, дни еще печальнее настанут.
В тоскливом сердце ропот смолкнет вдруг,
Как пыль, гнетущая осядет скука...
О, дни еще печальнее настанут,
Суровей и мрачней, чем ныне дни...

* * *

Ты не горда, страна моя.
Ты с мудростью печаль сплетаешь.
Заветы давние тая,
Ты огненной тоской пылаешь.

И разве не за скорбь твою?
Тебе любовь моя и радость?
Как ты, и я покорно пью
И горечь всю твою и сладость.

Люблю не славу светлых дней,
Не наши древние сказанья —
Люблю я мир души твоей
И песен тихие рыданья.

Люблю я бедный твой наряд,
Тоской молитвенною болен,
Огни неяркие из хат
И звоны с грустных колоколен.

* * *

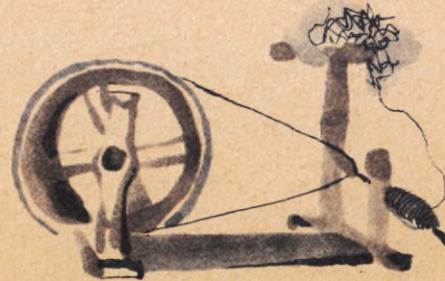
А там пастухи на свободных горах
Огонь развели и друг друга зовут.
Я узник, я пленик, покинутый тут...
А там пастухи на свободных горах...

Скитальцу, мне мирный неведом приют,
Во власти я чьей-то, я в чьих-то руках...
А там пастухи на свободных горах
Огонь развели и друг друга зовут...

* * *

Я словно вернулся домой,
Забытое снова живет:
Опять ты сидишь предо мной,
И старая прялка поет,
И прежняя сказка жива,
И прядла жужжит в забытьи...
Люблю я простые слова
И слабые руки твои.
Я слышу сквозь дрему рассказ,
Приник я к коленям твоим,
Я снова ребенок сейчас,
Я райским покоем храним;
Уж неба тускнеют края,
Туман над рекою встает;
Баюкает сказка твоя,
И нежная прялка поет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 19.

Ваагн — языческий бог солнца и грозы; некоторые исследователи рассматривают «Рождение Ваагна» как гимн солнцу, восход которого запечатлен в песне.

Стр. 22.

Чинáра — восточный вид клена.

Стр. 26.

Гарíб, или пандúхт, — человек, ушедший на заработки, живущий на чужбине.

Шербéт — прохладительный сладкий напиток.

Стр. 27.

Крунк — журавль.

Стр. 34.

Четыре стихии. — Имеются в виду земля, вода, воздух, огонь.

Стр. 43.

Меджлís — парламент в Турции; здесь: пиршество.

Яр — возлюбленная, возлюбленный.

Кяманчá — струнный смычковый музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого народные певцы исполняют свои песни.

Стр. 44.

Орна. — По библейскому преданию, на гумне земледельца по имени Орна царь Давид построил жертвенник богу.

Армýк — крестьянская одежда из толстого сукна.

Стр. 45.

Аráз — народное название реки Аракс.

Саз — струнный щипковый музыкальный инструмент.

Стр. 46.

Джан — дорогая, дорогой; В. Я. Брюсов, пытаясь дать представление русскому читателю о богатых оттенках слова «джан», пояснял: «Слово, означающее и душу, и тело, вообще нечто самое дорогое, милое, любимое».

Пинджáн — сосуд для воды, вина.

Прангý-атлás — чужеземный атлас (от Прангистан — Франция).

Лал — рубин.

Конъ-Раш — огненный конь. Так звали коня Рустема из эпической поэмы «Шахнаме» персидского и таджикского поэта Фирдоуси (около 940—1020 или 1030).

Сусамбár — название благоухающего цветка.

Майорáн — пахучее растение, употребляемое в пищу.

Стр. 48.

Ростóм, сын *Зáла* — герой поэмы «Шахнаме» Фирдоуси.

Абáш — Абиссиния (Эфиопия).

Стр. 50.

Раздáн — река, берущая начало из озера Севан и протекающая через Ереван.

Стр. 51.

Айастáн — древнее название Армении по имени легендарного предка армян Айка, или Гайка.

Стр. 56.

Аráкс — главная река Армении.

Стр. 61.

Цицернáк — ласточка.

Стр. 78.

Спендиáров (Спендиарян) Александр Афанасьевич (1871—1928) — армянский композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель, народный артист Армянской ССР.

Masís — армянское название горы Арагат.

Стр. 79.

Aiçüg — народный певец, исполняющий песни под аккомпанемент саза.

Стр. 96.

Aхтамár — остров в юго-восточной части озера Ван в Западной Армении.

Стр. 101.

Сипáн — гора в Западной Армении.

Стр. 109.

Шушáн — лилия; армянское женское имя.

Стр. 112.

Салнó — горная местность в Западной Армении.

Стр. 120.

Равéнна — город на севере Италии.

Стр. 131.

Гашíш — вещество из смолы индийской конопли.

Бальзám — сок бальзамового дерева, используется как успокаивающее средство.

Стр. 134.

Пéри — красавица; в персидской мифологии — добрая фея, охраняющая людей от злых духов.

СОДЕРЖАНИЕ

Армянская лирическая поэзия. К. Григорьян	5
---	---

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

Рождение Баагна. Перевод В. Брюсова	19
«Для милой надо платье сшить...» Перевод В. Брюсова	20
«Я повторять всегда готов...» Перевод В. Брюсова	21
«Луна нежна, ветер нежен...» Перевод В. Брюсова	22
«Не пой ты солнцу обо мне...» Перевод В. Брюсова	24
«Золотая звездочка на небе...» Перевод В. Брюсова	25
Песня гариба. Перевод В. Брюсова	26
Крунк. Перевод В. Брюсова	27

ПОЭЗИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

М е с р о п М а ш тօւ	
«Море жизни всегда обуревает меня...» Перевод В. Брюсова	31
Г р и г о р Н а р е к а չ ի	
Из «Книги скорбных песнопений». Перевод Р. Ангалаадяна	32
Н е р с е с Ш ո ր ա լ ի	
Небо. Перевод Н. Гребнева	34

Ованес Ерзникаци (Плуз)

«Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечет судьба...» Перевод В. Брюсова	36
«Подобен морю мир: сухим оставаться, переплыть, — нельзя...» Перевод В. Брюсова	—
«Я, все грехи свои собрав, оплакал зло прошедших лет...» Перевод В. Брюсова	—
«О безрассудный человек, проснись, опомнись же скорей...» Перевод О. Румера	37
«Язык для речи служит нам, речь праведных — что зола звон...» Перевод В. Брюсова	—

Наапет Кучак

«Самым худшим из проклятий проклинала сына мать...» Перевод В. Звягинцевой	38
«Ты хвалишься, луна небес, что озарен весь мир тобой...» Перевод В. Брюсова	—
«Ты сказала: я твоя! Неужели это ложь...» Перевод Ф. Сологуба	—
«Высоко ты ходишь, — милой передай привет, луна...» Перевод Ф. Сологуба	—
«Что возьмешь за поцелуй, молви, дивное созданье...» Перевод В. Звягинцевой	40

ПОЭЗИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Саят-Нова

«Кто рядом сел — он пьян уже, в его глазах двоищься ты...» Перевод С. Гайсаряна	43
--	----

«Коль неучу слово дано, ему внимать к чему теперь...» Перевод С. Гайсаряна

«Я — на чужбине соловей, а клетка золотая — ты...» Перевод В. Брюсова

«Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня...» Перевод В. Брюсова

«Твой силен ум: таким рожден, — себя глупцу равнять зачем...» Перевод В. Брюсова

«Оставь меня! Хитрить, платить бесчестью дань я не хочу...» Перевод В. Потаповой

Гевонд Алишан

Раздан. Перевод С. Шервинского

Мкртич Пешикташян

Мы — братья. Перевод Е. Сырейщиковой

Микаэл Налбандян

Свобода. Перевод В. Звягинцевой

Рафаэл Патканян

Слезы Аракса. Перевод Ю. Веселовского

Геворт Додохян

Цицернак. Перевод В. Брюсова

Смбат Шахазиз

Да здравствует святой труд! Перевод Ю. Веселовского

«Все было тихо... Ночь настала...» Перевод Ю. Веселовского

Сон. Перевод В. Брюсова

Дживани

«Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут — уйдут...»

Перевод В. Брюсова

Петрос Дурян

Моя смерть. Перевод В. Брюсова	68
Моя скорбь. Перевод К. Бальмонта	69

Иоаннес Иоанисиан

Две дороги. Перевод М. Павловой	70
Зерно. Перевод М. Павловой	71
«Когда моя муза младая...» Перевод М. Павловой	72
«Дорогая, усни! Сладкий сон призови...» Перевод М. Лозинского	73
«Умолкли навсегда времен былых народы...» Перевод К. Бальмонта	74
«Всё вперед, всё наверх! Бесконечен мой путь...» Перевод В. Брюсова	76
«Безмолвствуй, сердце! Кто бы мог понять твою печаль...» Перевод М. Лозинского	77
«Один, всегда один, я счастлив тем...» Перевод Н. Тихонова	—
Памяти А. Спендиарова. Перевод Т. Спендиаровой	78

Александр Цатуриан

Моя клятва. Перевод Е. Полонской	80
Эпитафия. Перевод Е. Полонской	81
Мать. Перевод Е. Полонской	82
«Не я пою... В печальных песнопеньях...» Перевод Л. Уманца	—
Грамота. Перевод Е. Полонской	84
«Мрачна, темна душа моя...» Перевод И. Бунина	86
Сеятель. Перевод Е. Полонской	87
Лети, моя песня. Перевод Е. Полонской	90

Ованес Туманян

Песня пахаря. Перевод М. Петровых	92
Летняя ночь в деревне. Перевод С. Ботвинника	93
«Я гляжу: передо мною необъятная земля...» Перевод С. Ботвинника	94
«С горных высей стремится ручей...» Перевод К. Бальмонта	96
Ахтамар. Перевод К. Бальмонта	—
Перед картиной Айвазовского (Экспромт). Перевод В. Брюсова	100
Две черные тучи. Перевод И. и А. Тхоржевских	—
Ночь. Перевод К. Арсеньевой и С. Мар	101
«Я странник, сестра, простой пилигрим...» Перевод М. Павловой	103
Наша клятва. Перевод М. Павловой	104
Песня армян. Перевод Л. Уманца	105
Четверостишия	
«Кичливый, жадный человек, твой долг ум, жизнь коротка...» Перевод К. Липскера	—
«Плынут века, жизнь коротка, что будет позже — все равно...» Перевод С. Мар	106
«Да, это все... что ж, друг, подымем чару...» Перевод Т. Спендиаровой	—

Аветик Исаакян

«Хочешь, стану росою печали...» Перевод М. Павловой	107
«Ночью в саду у меня...» Перевод А. Блока	108
«Мне озеро привиделось во сне...» Перевод А. Ахматовой	—
«Извивается дорога...» Перевод А. Ахматовой	109
«Прозрачны в небе облака...» Перевод В. Рождественского	—
«Сверкают звезды ярче и нежней...» Перевод Н. Павлович	110

«Не глядись в черный взор...» Перевод А. Блока	110
«Схороните, когда я умру...» Перевод А. Блока	112
«Во долине, в долине Сално боевой...» Перевод А. Блока	—
«От жгучего горя сердце мертвое...» Перевод А. Ахматовой	113
«Моя душа объята тьмой полночной...» Перевод И. Бунина	—
«Только детства беспечные, светлые дни...» Перевод Б. Рождественского	114
«Сорванную розу ветке не вернуть...» Перевод В. Брюсова	115
«Да, я знаю всегда — есть чужая страна...» Перевод А. Блока	116
«Душа — перелетная бедная птица...» Перевод Б. Пастер- нака	—
«Безвестна, безымянна, позабыта...» Перевод В. Брюсова	118
«Мне грезится: вечер мирен и тих...» Перевод А. Блока	—
«Над речкой склонилась печальная ива...» Перевод М. Яна	119
«Мне сказали: «Давно умерла твоя мать...» Перевод А. Ах- матовой	120
В Равенне. Перевод М. Павловой	—
 Сиаманто	
Мои слезы. Перевод С. Шервинского	122
Я с песней умереть хочу. Перевод А. Тер-Акопян	123
 Даниэл Варужан	
Колыбель армян. Перевод В. Брюсова	126
Мерцающая лампада. Перевод О. Шестинского	127
Изваянию красоты. Перевод А. Тер-Акопян	128
Весенний дождь. Перевод А. Кушнера	—

 Мисак Мецаренц	
«Ночь сладостна, ночь знойно сладострастна...» Перевод В. Брюсова	131
Трепет. Перевод А. Тер-Акопян	—
Сумерки. Перевод А. Тер-Акопян	132
На рассвете (Сонет). Перевод В. Брюсова	133
Ночная мелодия. Перевод С. Ботвинника	134
Безымянный цветок. Перевод Н. Поляковой	135
Утро. Перевод Н. Поляковой	136
 Ваан Терьян	
Элегия. Перевод В. Рождественского	138
«Как безропотно вянет цветок...» Перевод А. Ахматовой	—
Сумерки. Перевод А. Ахматовой	139
Желанье быть слепым. Перевод В. Рождественского	140
На родине. Перевод В. Рождественского	—
Два призрака. Перевод Е. Выставкиной	142
«Нет, ничего не знаю я...» Перевод М. Касаткина	143
Карусель. Перевод В. Рождественского	—
«Дитя мое, ты как птица...» Перевод В. Звягинцевой	144
«В златотканой одежде явилась ты...» Перевод В. Шефнера	145
«О, дни еще печальнее настанут...» Перевод С. Ботвинника	—
«Ты не горда, страна моя...» Перевод Ф. Сологуба	148
«А там пастухи на свободных горах...» Перевод А. Ахмато- вой	—
«Я словно вернулся домой...» Перевод В. Рождественского	149
Примечания	150

ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Составитель
Григорьян Камсар Нерсесович

«ПОВЕДАЙ МНЕ, АРАКС МОГУЧИЙ...»

Ответственный редактор Н. Е. Пройм а.

Художественный редактор А. В. Карпов.

Технический редактор Т. Д. Раткевич.

Корректоры В. Г. Арутюнян и Е. С. Петрова.

ИБ 7518

Сдано в набор 15.11.83. Подписано к печати 05.07.84. Формат 70×100¹/32. Бумага офсетная № 2. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 14,3. Уч.-изд. л. 5,45. Тираж 100 000 экз. Заказ № 584. Цена 35 коп. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

П 42 «Поведай мне, Аракс могучий...»: Из армянской поэзии/Пер. с арм.; вступ. ст., сост. и прим. К. Григорьяна; Рис. и оформл. А. Коковкина.—Л.: Дет. лит., 1984.—159 с., ил.

В пер.: 35 коп.

В сборник включены классические образцы армянской поэзии в переводах А. Блока, В. Брюсова, А. Ахматовой и других виднейших русских и советских поэтов.

С(Арм)1

4803010000—180
П—————46—84
М101(03)—84

35 коп.

Издательство
«Детская литература»